

ЛЕВ

ПРОЗОРОВ

МЕЧЕСЛАВ

КНИГА ВТОРАЯ

«Слава Перуну!»

Лев Прозоров Слава Перуну!

Серия «Мечеслав», книга 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4992209

МЕЧЕСЛАВ. Книга 2. «Слава Перуну!» / Лев Прозоров: Яуза-пресс;

Москва; 2013

ISBN 978-5-9955-0518-1

Аннотация

Новый языческий боевик от автора бестселлеров «Святослав Храбрый», «Евпатий Коловрат» и «Русь языческая»! Славянские племена, объединенные под знаменем великого Святослава, сбрасывают ненавистное хазарское иго! Священный коловрат против проклятой звезды! Русская рать, перегородившая Дикое поле червлеными щитами, против несметных конных орд. Грозный боевой клич русов заглушает истошный степной визг. «Ррррус!» – и катятся с плеч вражьей головы. «Ррррус!» – и Итиль-Волга течет кровью. «Ррррус!» – и русское знамя со знаком разящего Сокола и солнечной Яргой поднимается над руинами Хазарского каганата! Окаянный Итиль-город, оседлавший горло древней арийской реки, должен быть разрушен! Слава Перуну!

Содержание

Глава I	4
Глава II	17
Глава III	57
Глава IV	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Лев Прозоров

Мечеслав. «Слава Перуну!»

Глава I

Нежданная встреча

Ладьи летели по течению Десны. Менялись дружинники – то спали, то гребли, помогая силой рук и спин силе воды. Да и ветер помогал, поддувая в спину. Первый день было легко – Десна словно давала приноровиться к себе, свыкнуться.

Вихря пришлось оставить в Новгороде-Северском. Ряско тоже, но об этом-то сожаления в душе Мечеслава Дружины почти не было. Одно дело выучный конёк-слуга, другое – боевой товарищ. Но так приказал сам Святослав. «Если сладим дело, – сказал князь, – ещё вернёмся за конями. Если нет – лучше уж коням тут быть».

Не то чтобы Мечеслав сомневался в отроках-конюхах Новгорода-Северского. Но душа всё едино лежала не на месте. Пришлось накрепко запереть в душе это беспокойство. Сколько уж таких запертых углов в душе... Этак с годами она и впрямь превратится в сплошные заборы, как в городе, где каждый двор обрастает плетнями да тынами.

Потом миновали Сосницу, и река начала яростно, будто

змея под рогатиной, петлять влево-вправо, мимо Хороборя и до самого Блестовета. Городки на берегах были – поменьше Новгорода, вроде Курска или иных, уже виденных Мечеславом в Северной земле. Проплывая мимо них, ладьи не останавливались, но с передней, там, где грёб наравне с прочими Святослав, пел рог – и отзывались рога с частоколов. И сидевший спиною вперёд на скамье гребца сын вождя Ижеслава видел, как распахиваются ворота, как сталкивают в воду ладьи – и те бегут по реке вслед за ними. С каждым городом всё больше.

У Хороборя даже вышли на берег переночевать – хоть и дорого было время, а извилистое русло, богатое мелями, лучше всё же было одолевать на свету, а не в потёмках. Насады поставили под берегом, сбросив якоря – коряги на просмоленных верёвках.

Устраиваясь на ночлег у костра, Мечеслав спросил Верещагу:

– А что это за Распятый бог? Он разве немецкий? Я слышал, ему греки молятся. И чего его слугам на вашей земле надо?

Вольгость открыл было рот ответить, но над их головами раздался голос Ясмунда:

– Отвечу я.

Мечеслав тоскливо вжал голову в плечи. Ответы седоусого на «лишние разговоры» – а лишними сын Вещего Ольга считал едва ли не все разговоры, не касающиеся воинской

учёбы, – особой приятностью не отличались, да и разнообразием, в общем, тоже. «Десять кругов по двору крепости в полном доспехе». «Возьмёшь у тиуна козла. Поднимешь на плечи. Поднимешься на башню и спустишься обратно – и козла не выпускать». Это ещё дружинникам из посвящённых. Отрок и вовсе чувствовал себя счастливым, когда речь шла о переборе кольчуг по звеньям или чистке желудей – а могло прозвучать и «Времени много? Вот и славно, а у нас конюшни не чищены, и нужник тоже».

Но на сей раз Ясмунд его удивил – да и остальных дружинников и взятых в поход отроков последнего года.

– В племени моего отца верили – и он запомнил это и передал эту веру мне, – что перед концом мира из восточных земель придёт корабль с войском мертвецов. Женовидный красавец, лиходеё Локи, которого за его злодеяния прочие Боги распяли на скале и низвергли в Преисподнюю, будет держать кормило того корабля. А вслед за ним будет плыть в волнах порождение злого красавца – великий Змей Йормунганд, и будет выть вечно голодную глоткой другой его ублюдок – Лунный Пёс. И все они придут, чтоб убить наших Богов, – Ясмунд замолк, а молодые дружинники поражённо смотрели на одноглазого. Никогда еще не говорил он столь долгой речи – и она, по всему, ещё не была окончена. – А теперь, говорил отец, с востока приходят люди в чёрных одеждах, и называют себя они – мертвецами, умершими для мира. И красиво, как у женщины, лицо их бога, и любят они

изображать его распятым, и сами не скрывают, что он сходил в Преисподнюю. А ещё он сравнивал себя со змеем на столбе и учил своих живых мертвецов быть мудрыми, как змеи. И они сами называют своё полчище «кораблём»¹. А за их спинами, в жарких землях, по-собачьи воют с меченных мёртвой луною вышек еще одни враги Богов и древней Правды. Отец учил меня. А я научил тех, кому был отцом.

Чёрствы́е губы под седыми усами тронула тень улыбки, когда жёлтый взгляд единственного глаза Ясмунда коснулся кормы, на которой, завернувшись в плащ, спал Святослав. Сын Ольга Вещего говорил не только о тех сыновьях, кого зачинал.

– Рагнарёкк идёт, говорил мне отец, – продолжил Ясмунд. – Великая битва с врагами Богов. Рог протрубил, знамёна подняты. Надо быть глухим, чтобы не услышать зова. Надо быть слепым, чтобы не увидеть знаков на стягах. Кому ещё так повезло? Кому из витязей минувших времён выпало встать в сече против – не горного великана, не ночного людоеда, не огненного змея – против самого Врага Асов?!

В глазу седоусого полыхал лю́тый янтарный огонь. И жуткая улыбка-оскал жёлтых зубов – по-прежнему пугала, но не отталкивала больше, завораживала, как оскал резного чудища на разрезающем волны носу корабля.

– То есть... – изумлённо проговорил Мечеслав Дружина, – мы бьёмся за Тех, Кто всё равно проиграет?

¹ Традиционное в христианском символизме обозначение общины, церкви.

– Неверно! – рыкнул Ясмунд, поворачиваясь к нему. – Ты что, из отроков не вырос, вятич? Мы бьёмся за Тех, Кто погибнет, – а это совсем иное. А ты, вятич, ты-то сам до недавних пор – думал, что хазар можно свалить?

– Нет, – Мечеслав покрутил головою. – Не думал...

– А чего ж ты тогда с ними дрался?

Мечеслав пожал плечами. А что им оставалось? Не мириться же с коганью...

– Вот так и у нас, – угрюмо проронил одноглазый, отворачиваясь. – Так и у нас, вятич.

Уснул в ту ночь Мечеслав не сразу. И сны ему снились жутковатые. Виделась огромная волна, вздымающаяся над окоёмом, будто над бортом тонущей ладьи. Виделся струг, в котором сидели живые мертвецы в чёрных одеждах, а у кормового весла стоял главный Мертвец-Кощей...

Чернигов был вдвое, если не втрое больше Новгорода-Северского, и Мечеславу Дружине оставалось только гадать, сколь же велик главный город Руси, если и это – столица всего лишь Северского края, а не всей державы. Стоял Чернигов на холме, над высоким правым берегом Десны, чуть выше того места, где впадала в Десну неширокая Стрижень. Под Черниговом встали на ночлег второй раз. Ладей к тому времени прибыло чуть ли не вдвое. Лиц тех, кто на них приплыл, Мечеславу было не видеть, но по голосам, далеко разносившимся над водою, когда насады тесно утыкались в бе-

рег, слышно было, что и тут было больше молодых воинов – его или Вольгостевых лет.

– Завтрашний день, – сказал своим дружинникам, сходящим с насадов на берег, князь Святослав, – может кончиться битвой. Мне понадобятся все ваши силы. Отдыхайте.

Из крепости, возведённой северским князем Чёрным, погибшим от рук хазар в годы Ольга Освободителя, навстречу князю вышел посадник – от этого, недобро знакомого слова Мечеслав поморщился, непросто было привыкнуть, что здесь посадником величают не хазарского тудуна, а наместника своего, русского князя. Здешнего, черниговского посадника звали Претичем. Был он в высокой шапке, гривна свисала с толстой крепкой шеи на широкую грудь. Брови у Претича были густые, мохнатые, и такие же мохнатые тёмно-русые усы подковою. Между бровей пролегли морщины – черниговский посадник озабоченно хмурился. Князя он приветствовал по-дружинному обычаю, вскинутой рукою.

Рядом с Претичем шёл ещё один человек, при виде которого Мечеславу вновь показалось, будто он спит – благо, и князь с дядькой Ясмундом и его старшим сыном приветствовали спутника черниговского посадника точно так же, как давным-давно, семь лет тому назад, приветствовал в городце Хотегоще его Дед нежданного гостя. Оба вождя руси сняли с голов шеломы вместе с прилбицами и опустились на одно колено, склонив обнажённые головы – одинокие пря-

ди спадали по выбритым головам с макушки к левому уху, у Святослава – золотистая, у Ясмунда седая. И точно волна прошла по дружине князя-Пардуса – молодые воины, русины, севера и кто там ещё был – все припадали на одно колено и склоняли головы, сдёргивая шлемы или прилбицы.

Хотя на сей раз на человеке, перед которым опускались на одно колено вожди и воины, были не пропотевшая дожелта рубаха, не свалывшаяся и пыльная овчинная безрукавка, не выцветшие порты со стоптанными пошевнями, а совсем другие одежды. Седую голову венчала, прикрывая щетину и звездчатые шрамы, красная остроконечная шапка с вышитою на лбу золотою яргой. Сивая борода, на сей раз расчёсанная и уложенная, опускалась поверх застёжки синего плаща на белую длинную рубаху, подхваченную алым кушаком. Одна-единственная черта осталась в его облике неизменной – на ремне через плечо висели у бедра гусли. Те самые гусли, которые слушал во дворе Хотегоща отрок Мечша семь с лишним лет тому назад.

– Доуло?! – вырвалось у Мечеслава. – Гусляр Доуло!

На нём тут же сошлись множество взглядов – удивлённых, недоумевающих, гневных. Старый гусляр сперва приподнял мохнатые брови над жёлтыми глазами, а потом весело прищурился – морщины шустро разбежались по медно-красному лицу.

Он коснулся плеч Святослава и Ясмунда – они поднялись на ноги, а за ними и дружина – и прошёл через строй воинов

к сыну вождя Ижеслава.

– Юный вятич из Хотегощи, – улыбнулся волхв Мечеславу, а тот смущённо поклонился в ответ. – Вижу, вождей и соратников ты находишь так же удачно, как находил вопросы в отроческие годы.

Щёки Мечеслава вспыхнули от радости. Старый волхв помнил его!

– Вот твоего имени я, прости, не припомню, – длинные пальцы гусяра коснулись лба под красным колпаком.

– Меня зовут Мечеславом, мудрый Доуло, – вятич снова поклонился волхву. – Я сын вождя Ижеслава, а русины прозвали меня Дружиной.

– Ну что ж, – усмехнулся гусяр. – Назовусь и я: ты меня помнишь под родовым моим именем, здесь же меня чаще называют Бояном.

– Я слышал! – радостно воскликнул Мечеслав. – Вольгость вот к тебе собирался податься в ученики!

Старый гусяр, которого, оказывается, звали Бояном, с улыбкой повернулся вслед за взглядом вятича к Верещаге, что стоял рядом, благоговейно внимая беседе друга с великим волхвом. Слова Мечеслава произвели на него странное действие – можно было подумать, что друг внезапно ударил его ножом: Вольгость дёрнулся и застыл на месте с приоткрытым ртом и широко распахнувшимися глазами, беззвучно вопившими: «За что?!» Краска отлила от его лица. Стоявшие рядом гридни-русины поспешно склонили головы пе-

ред волхвом, но их плечи под плащами подозрительно мелко тряслись.

Из-за укрытых синим плащом плеч волхва за беседой наблюдали трое, перед которыми дружинники почтительно расступились.

Претич смотрел хмуровато, по всему было видно, что черниговский посадник не понимает, чего ради прославленный гусляр тратит время на юных гридней, и терпит только из уважения к волхву.

Святослав смотрел весело.

Одинокий глаз Ясмунда смотрел... как обычно.

– Ну что ж, – смерив обливающегося холодным потом Верещагу взором смешливо прищуренных глаз, неторопливо выговорил Боян. – Вот закончим дело в Киеве, можно будет и поглядеть, какой из тебя ученик, русин Вольгость.

Бледно-серый Вольгость молча склонил голову в поклоне.
– Мудрый... – окликнул Бояна Претич.

Тот вздохнул, поворачиваясь к князю и воеводам, и они двинулись к воротам Чернигова, продолжая свой разговор. Доносилось «ополченье», «немцы», «чехи», «Свенгельд»...

Только тогда Вольгость Верещага обрёл, наконец, дар речи.

– Вввятич... – с чувством произнёс он, обхватывая голову руками и садясь наземь прямо там, где стоял. – Я тебя убью... когда-нибудь... наверное...

– Так ты ж уже пытался, Верещага, – напомнил Ратьмер.

– Да уж, лучше заново не принимайся, – поддержал его другой русин, Хотьслав. – А то хазар тут нету, разнимать вас с Дружиной некому...

Мечеслав виновато присел рядом с другом на корточки:

– Ну... прости... Он у нас в городце, где я в отроках был, гостил... беседовал. Ну, я прямо как в отрочество вернулся, как его увидел... Вот и...

– Вот и молчал бы, как отроку полагается! – проворчал несчастный Вольгость, утирая пот с лица.

– Он солгал, Вольгость?

Молодые гридни дружно вздрогнули. Ясмунд, оказывается, никуда не ушёл – заклятие, что ли, какое знал, позволявшее быть невидимым, пока пожелает?

– Я тебя спрашиваю, Вольгость, вятич солгал? Ты не говорил, что хочешь в ученики к Бояну?

– Нет, воевода... – подавленно отозвался вскочивший на ноги Верещага. – То есть да... говорил... Я ж в шутку!

– И ты попрекаешь других за несдержанный язык?! – жёлтый глаз седоусого смерил опустившего лицо Вольгостя от шапки до пошевной. – Закончим дела в Киеве, пойдёшь к Бояну. В ученики.

– Воевода, я... – отчаянно начал Вольгость.

Одноглазый, уже разворачивавшийся вслед за князем, оглянулся через плечо, и Верещага обречённо умолк.

– Ты, – произнёс сын Вещего Ольга, – будешь в следующий раз выбирать предметы для шуток осторожнее.

И зашагал прочь.

– Если он будет, следующий раз, – жизнерадостно заметил Ратьмер, когда одноглазый воевода отошёл достаточно далеко. – Если Верещага в присутствии Бояна попытается спеть, старик его самое малое голоса лишит, а то и вовсе превратит во что-нибудь... потише.

Икмор утешающе похлопал несчастного Вольгостя по плечу.

– Ну, – рассудительно заметил он, – во всём и хорошую сторону найти можно. Теперь тебе сеча с этим, как его, Адальбертом, точно не страшна будет. Слушай, Дружина, а ты что ж – у тебя, выходит, сам Боян Вещий гостил, и ты молчишь?

У Вольгостя, судя по взгляду, было своё мнение по поводу молчания друга, но после Ясмундовой отповеди он предпочёл взглядом и ограничиться.

– Так я ж не знал, что он Боян и есть, – пожал плечами Мечеслав, ему тоже было неловко из-за того, как он невольно подвёл приятеля. – Да и гостил он не у меня, а в том городце, где я в пасынках рос.

– Эй, вы тут поселились, на дороге?! – окликнули их поднимавшиеся от реки к воротам дружинники.

Драться друзья на сей раз были не в настроении, поэтому просто сами пошли к воротам, чтоб не загораживать пути другим.

В сердце Чернигова возвышалось строение из потемнев-

ших от времени и непогод дубовых брёвен. Дубы росли и вокруг него. На ограде, словно на частоколе лесного городка вятичей, скалились людские черепа, в которых намётанный глаз признал бы уроженцев степных и лесных племён и иных, дальних земель. Были тут и совсем уж чудные головы – вытянутые, будто колпаки². Всё это была добыча войн и походов северских князей за многие столетия.

Над четырехскатной тесовой крышей строения островерхой шапчонкой, примостившейся на маковке великаньей головы, поднимался дымник. Сейчас из-под него валил густой дым.

Внутри, в свете разложенных под кровлею очагов, возвышались четыре столба белого камня – их тоже четыреста лет назад приволокли из похода на дальний полдень в обозе северской рати.

Отзвучали слова обряда, взвились вверх багряные завеси между каменными столбами, и стоявшими под сводами строения – жрецам, волхву Бояну, князю Святославу с воеводами и посаднику Претичу – явился огромный истукан из дерева. Два серебряных лица смотрели на полночь и на полдень. Перун, дающий доблесть и правду воинам Руси, и Велес, принимающий души честно погибших. Люди задержали дыхание, пока занавеси были подняты – негоже смертным

² Некоторые степные племена с незапамятных пор практиковали деформацию черепа. Сейчас эти причудливо выглядящие останки, напоминающие головы инопланетян из фантастических фильмов, можно увидеть в музеях Ростова-на-Дону или Азова.

дыханием своим осквернять лики Богов. Таков был обычай, единый от этих земель до родных для руси берегов Варяжского моря.

После того как Боги приняли жертвы, во дворе храма на глазах пришедших поклониться Богам жрецы провели белого коня – священного скакуна, который отроду не знал иных наездников, чем верховный жрец святилища, – над тремя парами связанных крест-накрест копей.

Белый скакун раз за разом перешагивал через копыта правой ногой – и с каждым его шагом лица князя и воевод светлели. Правое копыто священного коня означало благоволение Богов, сулило удачу. Шаг с левой ноги был недобрым знаком. Настал черед последней пары древков, и тут конь взвился, будто укушенный, – и перемахнул копыта не шагом, а прыжком.

Вскинув в прыжке вперёд обе ноги – и правую, и левую.

– Что это может значить, мудрый? – князь нахмурился и требовательно поглядел на Бояна.

Гусляр только указал глазами на главного жреца черниговского святилища – не он тут был хозяином, не ему толковать здешние знамения, разве уж местные служители Богов сами признают себя бессильными.

– Ты не потерпишь поражения, князь. Это – главное, – произнёс жрец.

– Может быть, – негромко отозвался Святослав. – Может быть...

Глава II

Мать Городов Русских

Утром Мечеслав уселся к веслу зевающим.

Грѣб от Чернигова до Моровийска, а потом уступил место на скамье другим – и Лутаву с Вострьским городцом, воротами обступившие Десну, проспал между рядами скамей, завернувшись в плащ.

Долго не поспал – растолкали. Вокруг лежал густой туман, будто простоквашу над водою пролили. Не видно было не то что других насадов – носа и кормы собственного не разглядеть. Только и знать, что не одни на реке – туман вокруг полнился глухим плеском вѣсел.

Снял плащ – чтобы натянуть поверх стѣганого подлатника кольчугу, на голову – прилбицу, поверх – шлем. Застегнул ремень под подбородком, бармицу – у виска. Затянул пояс с мечом и ножом в ножнах. Бряканье кольчуг, щёлканье пряжек, звук задевшего об окованное устье ножен огнива³ разносились в тумане пугающе далеко. Хотелось замереть и не дышать.

Мечеславу казалось, прошло полночи, прежде чем в тумане впереди затлели искры огней. Огней было тревожно много – не весь ли Киев не спит, ожидая князя? И – как ожидая?

³ Здесь – не устройство для добывания огня, а перекрестье меча.

Молодой вятич уже понял, что князь-Пардус не в ладах со своей матерью, правившей в Киеве. Не засада ли впереди?

Впереди внезапно зажётся ещё один отсвет. Двинулся вверх-вниз. Потом влево-вправо. Мечеслав Дружина узнал знамение Громого Молота – таким осеняли себя русины, поминая Перуна. Тут же от одного из огоньков на берегу отделилась маленькая искорка и отражением в колдовском зеркале повторила знамение.

Ждут.

В Чернигове, перед погрузкой в насады, Святослав приказал: в Киеве бить быстро и, где только можно, не насмерть.

«Это всё-таки мои люди. Да и вам с ними да их друзьями потом, может, за одним столом есть».

Вот такой сечи у сына вождя Ижеслава ещё не случилось. В любой битве тот, кто бежал навстречу, стоял на пути, да хоть и от тебя убегал – был враг. Враг, которого надо было убить – ну, самое малое, взять языком, и тоже не для того, чтоб кормить потом блинами с мёдом. А биться с теми, с кем потом есть из одного блюда – а они, к слову сказать, об этом знают? Да... об таком думать ещё не доводилось.

Вот и огонёк впереди разросся, стало видно костёр на причале. У костра – тени, немного – трое, четверо... пятеро. Увидев вырастающие из тумана тени насадов, двое поневоле пятятся. Ещё прежде первого деревянного стука резного носа насада о причал – чьи-то пошевни ударяются в настил из плах, снова и снова. Прыгает сам Мечеслав, успевая по-

дивиться шалой радости на лицах молодых парней, стоящих у костра – ни мечей, ни кольчуг, стеганки, шлемы, топоры да короткие копья, по лицам не воины, не селяне, что-то вроде обозной челяди у Радосвета.

– Немцы? – коротко звучит княжий голос над причалом.

Отвечает кто-то постарше парней-костровых:

– К утру ждём.

– Успели! – выдыхает над ухом Мечеслава Икмор.

– За мной! – приказывает князь.

Навстречу дружине, устремившейся за вождём, из тумана вздымаются на лосиных ногах свай знакомые вятичу по родным лесам лабазы. Только тут они попузатее и берегут не охотничью добычу, а улов рыболовов да купеческие товары. В этой половине Подола люди не живут – тут по весне всё топтит Днепр Славутич. Под ногами хрустит сухой рогоз, шуршит осока. Мимо мелькает чьё-то испуганное лицо, белое в тени деревянного брюха лабаза – вятич было разворачивается вслед немедля скрывшемуся среди леса свай незнакомцу, Ратьмер одергивает за плащ:

– Брось! Холоп купеческий хозяйское добро сторожит...

Да когда уже кончатся эти лабазы?

Словно услышав мысли вятича, длинноногие срубы расступаются в стороны. Под пошевнями глухо гудит мост, и перед молодым князем и его дружинниками распахивается просторная площадь. Вятич чуть не спотыкается, вертя голову – Ижеславль или Хотегощь уместились бы тут трижды,

если не четырежды. Не в Киеве, не на Подоле – вот тут, на площади...

Те, кто бегут рядом, не оглядываются – прибавляет шаг и вятич, думая, что в Новгороде-Северском за это время они уже были бы в крепости – не напрасно, видать, спутники смеялись над ним, когда он принял Новгород за стольный город руси!

Теперь уже не лабазы вокруг – дома. Верней сказать – заборы и крыши над ними. Жилища киевлян больно царапают память сходством с домом покойного Худыки, свекра Бажеры...

Князь вскидывает руку. Дружинники останавливаются – хотя приходится расходиться в стороны, давая место подбегающим от причалов соратникам.

– Надо взять Подольские ворота, – говорит Святослав, указывая влево и вверх – закрывая звёзды, там поднимается над тёмным горбом горы башенка с искоркой-глазком. – И не перебудить всех собак на Боричевом взвозе. Мне нужен десяток. Возьмём ворота, подадим знак – вон тем огоньком мигнём три раза. Тогда все уж идите.

– Только не тебе, князь, а мне, – вмешивается Ясмунд. – Если тебя убьют, во всей нашей затее толка не будет.

– Если я позволю себя убить, дядька, толку в ней и впрямь не будет – на кой такой князь Киеву сдался? – усмехается Святослав и, видя, что одноглазый, набычившись, открывает рот для нового возражения, говорит совсем другим голо-

сом: – Всё, Ясмунд. Я сказал.

Ясмунд умолкает. Только князь может приказывать ему – хотя и князю возражать в открытую решается едва ли не он один. Даже сейчас Мечеславу Дружине почему-то кажется, что склонивший к левому плечу одноглазую голову седоусый не в шутку раздумывает – а не скрутить ли беспокойного воспитанника и не уложить ли полежать в сторонке, в холодке?

– Кто со мной? – князь поворачивается к дружине – и все молодые парни разом подаются на шаг вперёд. Святослав усмехается, шагает навстречу.

– Ты, – его рука упирается в грудь Ратьмеру.

– Ты, – затаивший было дыхание Вольгость выдыхает с радостным облегчением.

– Ты, – палец князя едва не касается плаща на груди вятича.

– Ты, Икмор Ясмундович, мне и так побратим, теперь дважды побратимом будешь, – усмехается Святослав не сдержавшему улыбку молодому дружиннику и поворачивается к Хотьславу. – Ты...

– Так ты ещё и князю побратим? – ошарашенно спрашивает Икмора Мечеслав Дружина. Сияющее лицо друга разом перекашивается, будто от зубной боли.

– Ну да! Мог бы и сам догадаться, если я сын княжеского дядьки!

– А что ж ты раньше не...

– А то! – шипит Икмор. – Мне что, мало, кому я сын и

кому внук? Не хватало, чтоб мне побратимством с князем на каждом шагу в нос тыкали...

Князь, назвав тем временем ещё пятерых дружинников, подводит итог:

– Дружина, стоять здесь, ждать знака. Десятка – со мной...

– И я, – непреклонно вмешивается «дядька».

Князь-Пардус разворачивается к нему. Несколько ударов сердца сын Игоря Покорителя и сын Ольга Освободителя меряются взглядами в ночной темноте, а полтысячи дружинников вокруг них изо всех сил делают вид, что их на торговой площади нет.

– Ладно, – хмуро говорит Святослав, – одиннадцать и впрямь число какое-то неровное. За мной.

И только уже между высоких заборов Боричева взвоза, когда площадь осталась далеко за спиной, Мечеслав Дружина слышит впереди раздражённый голос князя:

– Дядька, чтоб тебя... ты меня и на Соколином престоле опекать собираешься?!

– Ты на него сядь сперва, – хмыкает в ответ седоусый «дядька».

Подъём кажется бесконечным. Пару раз на мягкий топот пошевной вяло огрызаются из-за заборов сторожевые псы. Где-то на середине пути, кажется, ведущего на самое небо, Мечеслав оборачивается и вздрагивает. Отсюда кажется, что туман покрыл не только огромную реку и причалы, но и весь киевский Подол. Гора старого Кия, сердце Матери Городов

Русских, островом плывёт в море тумана, над которым там и здесь синеют взгорбки холмов, да русалочьими светлячками мерцают в молочной пучине кое-где костры на пристанях да огоньки в окнах жилых хат на Подоле.

Наверно, из мира Богов так же выглядит мир земной, покрытый облаками...

– Дружина! – шипят сверху и спереди, отрывая Мечеслава от созерцания и возвращая из пригрезившегося мира Богов в мир людей и людских дел.

Встречных на долгом пути по Боричеву взвозу не попадается – стольный город спит. Больше всего тревожат вятича последние сажени перед воротами. Стоит сейчас часовым на надвратной башне поглядеть вниз – а не поглядят, так цена им от вешней белки ухо, – конец и надежде отворить Подольские ворота по-тихому, да и их дюжине, когда проморгавшиеся дозорные схватятся за луки.

У самых ворот светло – над ними, под двускатным навесом, убранным резными «полотенцами», висит на ремнях глиняный каганец, освещая в основном резное изображение княжеского Сокола, но и вокруг разбрасывая отсветы.

Створы ворот огромные, окованные железными полосами вперекрест, словно щиты исполинов. А вот сбоку притулилась маленькая калитка.

Не успевают князь с дядькой переглянуться, как подскочивший к калитке Верещага незамысловато стучит в деревянную створу. Негромко и как-то воровато. Все замирают.

Почти сразу же с той стороны доносится полусонный голос:

– Кто идёт...

– Завид, не валяй дурня, я это! – шипит Верещага. – Отворяй живей...

– Путята это, а Завид спит, – сообщает голос не без зависти. – А ты чего быстро так нынче? Чего, укатала тебя твоя Божена, или кто там у тебя нынче – Неждана?

– Чернава! – строго поправляет Верещага.

– Ка... как Чернава?! – стоящий по ту сторону ворот разом проснулся. Засов не прошипел – вжикнул вылетающим из ножен клинком. Сам не ожидавший такого успеха Вольгость едва успел отскочить, когда калитка распахнулась наружу, и вслед за нею выскочил парень его же лет в пластинчатой броне, но без шлема, в одной шапке-прилбице, с искажённым яростью лицом и горящими от гнева глазами. Впрочем, уже на втором шаге гнев начал уступать место недоумению.

– Т-ты не... ты кто?! – незадачливый Путята даже перестал вытягивать из ножен наполовину обнажённый меч.

– Тсс, тихо, Вольгость я, – миролюбиво отозвался Верещага, прижимая указательный палец на левой руке к губам и тут же отвешивая Путяте прямой удар правой в скулу, от которого горе-охранник отлетел на створку калитки и сполз по ней, выпустив из безвольно обвисшей руки черен меча. – Вот и познакомились...

Мечеслав с Икмором рванулись в проём калитки первыми, за ними – князь с Ясмундом, потом – Ратьмер с Хотьславом.

В нескольких шагах, по ту сторону проёма ворот слышались чьи-то нетрезвые голоса и стук катающихся по столу костей. Святослав, Ясмунд, Мечеслав Дружина с Вольгостем Верещагой и Ратьмер двинулись на эти звуки.

В сторожке, притулившейся к другой стороне стены у самых ворот, коротали время при свете глиняного каганца трое парней. Двое, сидевшие лицом к двери, играли в кости за столом, на котором стояли пахнущие брагой деревянные кружки и огромная глиняная кринка. Третий, видать, тот самый Завид, исхитрился и впрямь уснуть на недлинной скамейке с другого бока стола, подогнув ноги и уложив руку под голову.

Увидев входящих в сторожку, игроки сперва остолбенели, потом начали приподниматься со скамьи, один ухватился за меч, другой почему-то потянулся к лежавшему рядом с кринкой шлему. Первым перешагнувший порог сторожки Ясмунд молча с силой пнул стол так, что тот краем столешницы ударил игрокам в подвздошье. Вставать те враз передумали, осев обратно на скамью и пытаясь вдохнуть достаточно воздуха хотя бы для вскрика боли. Получалось пока неважно. Вскочивший Завид потянулся к подвешенному на торчавшем из стены деревянном гвозде рогу, но Ясмунд расколол тот броском ножа – серый матовый бок только хруст-

нул, раздвоенный тяжёлым лезвием. Шагом преодолев расстояние между ними, наставник великого князя ухватил Завида за глотку и приложил об стену так, что сторожка вздрогнула, а нож – не сразу, словно подумав – вывалился из расколотого рога.

– Что полагается за сон в дозоре, Завид, знаешь, а?

От второго удара за ножом последовал и сам рог.

– Сколько людей должно стоять у ворот, а, Завид? Где должен находиться рог для тревоги?

Крепости здоровья Завида Мечеслав, пожалуй, немного позавидовал – даже после второго удара и с железной клешнёй седоусого на горле тот оставался в сознании, хрипел и извивался. Хотя больше завидовать, откровенно говоря, было нечему. Ополоумевший от ужаса гридень навряд ли слышал вопросы, которые задавал ему Ясмунд, левой рукой безуспешно пытаясь оторвать от горла руку старика, а правой шаря по поясу в поисках ножа. Тут Завиду повезло чуть больше – нож он нащупал, вытащил из ножен и даже попытался замахнуться. На том везение, отмеренное Макошью защитнику Подольских ворот, и закончилось – седоусый мигом сгрёб его руку с ножом, до хруста сжав пальцы Завида поверх роговой рукоятки. И тут же начал медленно и неотвратно разворачивать нож клинком к посеревшему лицу молодого дружинника.

– Столько глаз, – жёсткие губы сына Вещего Ольга разошлись в жуткой улыбке, – столько глаз, а одноглазого прогля-

дели. Может, лишние глаза – это плохо, Завид?! Может, если выковырять вам пару-другую гляделок, вы станете больше на дружинников смахивать?

Нож уже касался ресниц на правом глазе Завида.

– Ясмунд, – негромко сказал Святослав. – Оставь его.

– Не лезь под ру... – прорычал седоусый.

– Ясмунд!

Одноглазый досадливо зарычал и, вывернув руку Завида с ножом резко вниз, правой в третий раз шмякнул свою добычу о стенку сторожки и разжал пальцы. Завид обполз по брёвнам на земляной пол, выронив нож, который Ясмунд тут же пинком отправил куда-то под лавки. Дружинник дёргал обеими руками ворот рубахи и стёганого подкольчужника и... плакал.

Ясмунд повернулся к столу – один из игроков как раз начал поднимать голову над столешницей, но одноглазый ухватил его за затылок и звучно приложил к доскам лбом. Игрок обмяк. Второй приворотник затих рядом, боясь пошевелиться. Ясмунд перевёл взгляд единственного глаза на стоявшего рядом со столом Икмора, успевшего, оказывается, подхватить со стола кринку с остатками браги. Протянул сыну руку – Икмор покорно подал кринку отцу и, только когда тот отвернулся, позволил себе бесшумный разочарованный вздох. Ясмунд отхлебнул чуть-чуть из кринки, сморщил левый ус и остаток хмельного питья метко плеснул на голову сидящему под стеною парню.

– Завид, – подал голос Святослав. Приворотник затих, поднял мокрую голову, утирая рукавом слёзы и брагу. – Знаешь меня?

Тот вглядывался несколько ударов сердца в склонившееся к нему лицо князя – шлем тот снял и держал под мышкой, а Икмор отцепил каганец от перекладины-матицы и поднёс к голове Святослава. Заплаканные глаза злополучного сони раскрывались всё шире и шире, и наконец он бешено закивал.

– На башне кто?

– Вли... Влишко...

– Один?

– Д-д... д-да...

– «Да, князь!» – раздался из-за Святославова плеча рык Ясмунда.

– Д-да, к-князь... – покорно согласился Завид, дёрнувшись от звука голоса своего мучителя.

– Ратьмер, Хотьслав... – коротко произнёс Святослав, и оба дружинника почти бесшумно растаяли в полутьме.

– Князь, – сунулся в сторожку один из дружинников, Клек. – Ты засов велел снимать...

– И что, не осилили? – вместо князя отозвался Ясмунд. Клек сглотнул, но мужественно ответил:

– А его снимать неоткуда, воевода. Ворота не заложены, засов у стены стоит... – в голосе Святославова гридня звучало искреннее изумление.

– А ч-чего их за... закладывать... к-князь... – говорить Завиду было после Ясмундовой клешни на шее больно. Как по-мечеславоу, ему б сейчас говорить не стоило вовсе, по-крайности, пока не спросили. – М-мы ж нынче немц-цев жд-дем... ждали... всё равно ж открывать... князь...

– Штаны ты тоже гашником не завязываешь? – спросил Ясмунд уже почти спокойным голосом, но Завид дёрнулся и даже заелозил пятками по земляному полу, словно стараясь отползти вместе со стеною сторожки. – Всё равно ж снимать, когда в лопухи побежишь.

Приворотник затравленно поглядел на Святослава. Князь вздохнул.

– Сколько дружинников сейчас в городе?

– Ч-чьих? – икнул Завид и, увидев, что Ясмунд снова разворачивает к нему голову, зачистил: – Тут сейчас две дружины, князь, государынина и наша... то есть князя... Глеба... наших сотня, детинец на нас сейчас, да три сотни государыни, только их сейчас в городе почти нет.

– А где? – терпеливо спросил князь.

– Так немцы же... князь... Государыня сотню навстречу выслала. Ещё сотня в Вышгороде, и полсотни в тереме, что за горой, стоят, – голос у Завида почти совсем выровнялся, хоть и подрагивал ещё, но заикаться и давиться словами он уже перестал. Метнул глазами в сторону Ясмунда и быстро добавил: – Князь.

– Князь, наши подходят, – радостно доложил из двери

Клек. Из ночной темноты за порогом послышался нарастающий топот множества ног, почти заглушивший многоголосье надрывный лай, разнёсшийся над Боричевым взвозом.

– Добро, – князь снова повернулся к приворотнику. – Завид, хочешь хорошее дело сделать?

– Да, князь! – выпалил тот, глядя на Святослава преданными глазами и торопливо поднимаясь на ноги.

– Сам видишь, сторожевая служба у вас тут... – молодой князь огляделся на два тела на столе и покривил губу. Завид истоиво закивал головою с таким видом, будто дремал на лавочке совсем недавно кто-то совсем другой.

– Так что решил я вас своими людьми подменить. А вы, раз уж так устали, – князь усмехнулся, а Завид вжал голову в плечи и сглотнул, – можете идти в гридню и там отдыхать. Хочешь – отдыхай, а если не сильно устал – можешь провести моих людей, показать, где здесь у вас сторожи расставлены. Чтоб и мои гридни не заблудились, и ваши бы их затей каких не приняли. А мне недосуг, надо с матерью поговорить и с братом. Ну как? Или отдыхать пойдёшь?

– Да, князь! Нет, князь! Не устал! Проведу! – окончательно оклемавшийся Завид вдруг отвесил князю поясной поклон. Опешили, кажется, все, даже Ясмунд.

– А «слава Перуну» куда делось? – не выдержал Вольгость.

Завид смутился.

– Так это... у нас же, – приворотник скосил на миг глаза

на лежащих на столе товарищей и понизил голос, – ну, вон, крещёных много. И у государыни, а у князя – Глеба – так почти все, я вот только да ещё с полдюжины... Ну, государыня и говорит – чтоб, мол, не обижать крещёных-то, теперь не Перуна славить, а как в Царь-городе, старшим в ноги кланяться.

Повисло молчание.

Потом князь вздохнул.

– Да... вовремя мы. Ну давай, Завид, веди. Эй, Клек, принимай проводника!

Счастливый, похоже, не столько возможностью оправдаться за оплошку, сколько тем, что окажется подальше от лютого одноглазого, Завид стрелой вылетел за дверь.

– Верещага, а ты откуда его знаешь? – шепнул Мечеслав приятелю. Вольгость изумлённо оглянулся.

– Дружина, я в Киеве второй раз в жизни. А его вообще вижу в первый.

Видимо, лицо у Мечеслава стало... не очень умным, потому что Верещага, фыркнув, объяснил:

– Просто Завид, считай, самое частое имя. На дюжину хоть один Завид да найдётся, если не два или три. Вот ты сколько Завидов встречал?

Мечеслав пожал плечами:

– У нас как-то ни одного не довелось...

– Ну, значит, это в киевских землях только так. Но ведь угадал же?!

– А как из дозора к девкам отлучаются, ты тоже угадал?

Вольгость мигом развернулся и встретил прищуренный янтарный взгляд Ясмундова глаза широко распахнутыми честными глазами.

– Нет, воевода! Я не угадал, мне рассказывали, воевода. – И, хлопнув глазами, добавил с печальным вздохом: – Только уже не помню кто... и поблагодарить-то некого за то, что так пригодилось. Неладно вышло.

И снова печально вздохнул.

Икмор за спиною отца давился смехом.

– Ничего, – холодно промолвил Ясмунд, глядя уже мимо Вольгостя. – Дело поправимое. Почаще дозоры проверять буду, глядишь, и отыщу, кого тебе благодарить надо...

Улыбка с лица Икмора исчезла быстрее, чем снег на раскаленной сковороде.

– Ладно, – решительно сказал князь, обрывая разговоры. – Пора мне уже и матушку навестить...

Ограды боярских дворов в киевском детинце были, понятное дело, поосновательней, чем плетни и тыны подольских престолюдинов. Частоколы или бревенчатые заплоты вздымались выше человеческого роста. Не приведи Боги, прорвётся враг в город Старого Кия – чего покуда ещё не бывало, хвала Громовержцу, – каждый такой двор станет крепостью. Башнями поднимаются над оградами деревянные терема, а княжеский терем выше всех. Вышки на нём дубовые, а сами палаты – будто ночной туман облил молоком, да

так и оставил белеть в сером предрастветье. Из белого камня воздвигли пленные болгарские – не из тех болгар, что сидят выше хазар на Итиль-реке, а из дунайских – мастера-зодчие покои Игоря Сына Сокола, а в тереме, что построили они за горою его супруге, говорят, и за водою к колодцу чернавок не гоняют – во дворе проложены трубы из лиственницы, вынь только клин-затычку – и потечёт вода. За такие труды, как рассказывали, Сын Сокола не только вернул болгарским пленникам волю, но и щедро наградил на дорогу.

Впрочем, про эти чудеса Мечеслав наслушался много позже. Пока же он шёл по деревянным мостовым детинца вслед за князем. Терем княжеский стоял недалеко от Подольских ворот, по правую руку.

Створы ворот, едва ли не такие же огромные, как на Подольских, покрывала искусная резьба, изображавшая духов-хранителей в виде хищных птиц, скалящихся зверей и извивающихся змеев, а на верхней перекладине был уже ставший привычным Мечеславу княжеский знак – падающий на добычу Сокол, осенённый Яргой. Концам перекладины резчик тоже придал вид соколиных голов.

В столбах ворот были вырезаны, одна над другою, ниши, из которых скалились черепа – четыре ниши с одной стороны, и четыре с другой. Две ниши, правда, были пусты, темнели слепыми глазницами.

– А вот тут были греческие стратиги, – с какой-то печалью в голосе заметил князь; он тоже, оказывается, разгляды-

вал ворота. – Матушка отвезла их в Царь-город, когда мы туда ездили. Пусть, дескать, греки похоронят своих по своему обычаю.

Святослав встал перед воротами, дружинники выстроились по обе стороны от князя, а Ясмунд шагнул вперёд и звучно трижды громыхнул кольцом из витого железного прута, свисающего из пасти литой звериной морды на створе ворот.

Отозвались почти сразу, и голос, по крайности, был неза-
спанный:

– Что, немцы уже приехали?

– Отворить великому князю Святославу, сыну Игоря, – отчеканил Ясмунд, голос одноглазого звучал в ночной тишине негромко, но властно и отчетливо, а теплоты в нём было, как в звуке, с которым покидает ножны меч. – Живо!

По ту сторону ворот поражённо замолкли, перестав на несколько мгновений даже дышать, а потом тот же голос – к слову, явно принадлежащий человеку постарше, чем незадачливые приворотники, – проговорил с заметной растерянностью:

– Я... я доложу господину Искусеви...

– Давай я доложу ему, что сломал ворота, но искупил вину, оторвав пару пустых голов ленивым холопам?! – так же негромко рыкнул Ясмунд. – Здесь князь, остолоп, и сын твоей госпожи, а ты держишь его у порога собственного дома?! Хочешь дожить до рассвета – отвориай!!

– Д-да, господин. Сейчас, господин... мы не знали...

– ...А то выстроили бы пару лишних стен и поставили б на них камнеёты, – тихо добавил Вольгость Верещага над Мечеславовым ухом.

Голос за воротами тем временем криком подозвал каких-то Улеба, Никиту, Тудора и Ратшу. Улеб, Никита и Тудор должны были помочь открыть ворота, а Ратшу отправили в терем. Зашипел засов – в отличие от подольских приворотников, здешние стражи не поленились заложить на ночь ворота. Ясмунд отшагнул назад, чтоб разминуться со створами ворот, пошедшими наружу. Князь же, наоборот, шагнул вперёд с таким лицом, будто людей в дорогих свитах, торопливо распахивающих перед ним резные ворота, не было вовсе. Вместе с князем стеною двинулись дружинники, только они не смотрели прямо перед собою, как сам Святослав, а всё же поводили по сторонам глазами. А вокруг, волнами от брошенного в покойный, подёрнутый ряской пруд камня, разбегалась суета – сдавленная, тихая, но заполошная. Вспыхивали и метались огоньки, слышались шёпоты, мелькали тени. Не минула б ночь летнего Солнцеворота – подумалось бы, что зашёл в зачарованную рошу, в которой вот-вот зацветёт меж могучими орляками Перунов Огнецвет.

Чтоб войти на крыльцо, пришлось перестроиться из стены змеёю. Тяжёлые двери, окованные медью и железом, изукрашенные богатой резьбою, будто сами распахивались перед шагавшим впереди Ясмундом. За крыльцом оказалась

убранная ковром с изображениями волшебных деревьев, охраняемых ногай-птицами, у которых клювастые головы и крылья росли на звериных телах, лестница, ведущая в светлую гридню.

Из гридни торопливо выбегали и вставали по сторонам лестницы люди в шлемах и пластинчатых бронях, с боевыми топорами в прихотливых узорах золотой и серебряной насечки. Мечеслав Дружина напрягся и положил руку на рукоять меча, но ни Ясмунд, ни князь не убавили шага и вообще никак не показали, что видят встающих обок лестницы дружинников. Те, в свою очередь, глядели прямо перед собою и не шевелились, будто, встав на свои места, обратились в истуканов.

За лестницей оказалась сама гридня, с огромными окнами, в которые залетал зябкий утренний ветерок. Каменные стены покрывала резьба, пол устилал ковёр, на котором на сей раз, кроме ногай-птиц и волшебных деревьев, обнаружались ещё и охотники на конях, преследующие разнопородную добычу среди нездешнего вида деревьев и цветов. Скамьи вдоль выстроившихся у стен столов были пусты, кованные светильники, свисавшие с перекрестий балок, никто не зажёл, так что, кроме возвышения в середине, вся гридня тонула в утренних синих с розовым сумерках.

Устланное коврами возвышение окружали подсвечники заморскойковки, в которых плакали прозрачными слезами восковые столбики свечей. Озаряли они четыре могучих

столба, похожих на воздевших руки, поддерживая толстые балки, приземистых ширококостных женщин в богатых резных и расписных платьях. Потом Мечеслав Дружина узнал, что «женщины» помнили ожерелья из звериных черепов, а то и людских – древнюю мудрость «держи друзей близко, а врагов ещё ближе» князя Руси предпочитали понимать именно так. Но после загадочной смерти Игоря Сына Сокола в Деревской земле государыня Ольга едва ли не первой волей повелела убрать не радовавшие её глаз «украшения». Между столбами воздвигался резной престол, украшенный пластинками коралла из Гурмыжского моря и драгоценными камнями. Соколы летели на его подлокотьях. Соколы поднимали кричащие головы с обеих сторон высокой спинки. На престоле сидела женщина в ярких, шитых серебром и золотом летнике и корзно с тяжёлым золотым оплечьем. Как раз в это время, когда Святослав с ближними дружинниками перешагнул порог гридни, стайкой окружавшие престол женщины застегнули на сидевшей пояс из драгоценных пластин с подвесками искусной работы. Ещё две продолжали расчёсывать, укладывать и заплетать длинные косы сидевшей – в свете свечей были заметны мелькающие в них там и тут серебряные нити седины. Другая служанка ожидала рядом окончания их трудов, держа в руках на большом белом плате-повойнике опушённую куньим мехом шапку с высокой тульёй, расшитой жемчугом. Над опушкой подымались пластинки с эмалевыми птицами, обозначавшие, по всей ви-

димости, перед. По узкому, с чуть крупноватой для женской челюстью, лицу сидевшей нельзя было угадать её возраст – слишком густо покрывали его белила. Над прикрытыми веками чёрным были выведены брови, резкие скулы покрывали румяна. На пальцах, по-хозяйски улёгшихся на резных головах соколов, блестели многочисленные перстни.

Рядом с престолом возвышался огромный мужик без плаща и гривны, но в дорогой свите. Больше всего он напомнил Мечеславу полусказочных зверей из баек Радосвета – живут, дескать, в полуночных ледяных краях, где по полгода не видно солнца и всегда зима, звери ошкуи – огромные медведи с маленькой головой и белой, как снег, шерстью. Вот так и стоявший посреди киевской гридни человек напомнил Мечеславу тех самых ошкуев – огромный, с маленькой головою, на лице которой как будто сгребли в горсть всё – и бесцветные маленькие глазки, и вздёрнутый ноздрями вперёд нос, и небольшой узкогубый рот, обросший такой же бесцветной щетиной, такой редкой, что бородой назвать её было стыдно.

В тени, в простенках между окон стояли, точно так же замерев истуканами, близнецы стоявших на лестнице стражей.

Девушки вокруг престола старательно пытались выглядеть такими же невозмутимыми, как их госпожа, но их выдавали подрагивающие руки и то и дело бросаемые на вошедших взгляды – испуганные и любопытные одновременно. Прозрачные глаза человека-ошкуя пусто смотрели поверх обнажённой головы Святослава и шлемов его спутни-

ков, но Мечеславу почему-то казалось, что видят они каждое движение в огромной грядне. Северные звери, рассказывал Радосвет, могли выглядеть неуклюжими и даже добродушными, но на самом деле потягались бы в резвости с рысью, а в лютости превзошли бы зимнюю волчью стаю или голодного шатуна. Взглядов охранников Мечеслав Дружина не чувствовал – похоже, секироносцы смотрели в пол под ногами.

– Доброго утра, матушка. – Святослав чуть наклонил голову.

– Госпожу называть Государы... – зарокотал было человек-ошкой, утвердивший огромные белёсые руки на кожаном поясе с боевым ножом. Точнее, произносил он не так – славянская речь в жерновах его челюстей где дробилась, где вытягивалась, выходило «Кааспажуу нассыватт «каассутта-аррры». Но тонкие женские пальцы в золотых перстнях приподнялись над резной соколиной головой, и похожий на ошкуя великан смолк. Святослав же, кажется, вовсе не замечал белобрысого верзилу.

– Где ты видишь утро, сын мой?

– Рано встаёшь, матушка, – так же почтительно заметил князь.

– Рано поднимают, – надменная улыбка скорее прозвучала в голосе женщины на престоле, углы губ остались неподвижными, как и приспущенные веки.

– В твои годы, матушка, не стоит подниматься неприбранной даже навстречу сыну, – тихо промолвил Святослав. В бе-

лом лице восседающей на престоле не двинулась ни одна черточка, но в груди будто повеяло близкой грозой после этих слов князя. – Я мог бы и подождать.

– Подождать? Ты? Что-то не верится, сын мой, – холодно произнесла женщина на престоле.

– Кстати, а мой брат Глеб не встаёт так рано?

– Встаёт, – ответила всё тем же ровным голосом женщина. – Он уехал встречать наших гостей.

– Жаль, – медленно проговорил Святослав. – Мы давно не встречались с ним. Впрочем, с его дружиной ещё дольше. Удивлён, что ты доверяешь таким недотёпам охранять детище. Охранники из них, как из соломы кольчуга. Тех, что у ворот, пришлось просто снять и заменить моими людьми. Благо, в Итиле не знают, что Киев стал настолько лёгкой добычей. Вернее сказать, был ею.

Веки княгини дрогнули, а тонко вырезанные ноздри на мгновение раздулись парусами в бурю. Впрочем, они тут же опали, а веки тяжело опустились.

– Да... не следовало и надеяться, что ты придёшь только с этими мальчишками, сын мой. Ты неразумен, но отнюдь не глуп – к сожалению.

– К сожалению? – князь поднял золотистую бровь над голубым глазом.

– К сожалению, – твёрдо ответила княгиня. – Неразумным лучше быть глупыми, чтобы внимать советам разумных или, по крайности, не мешать тем вести их.

Девушки, наконец, закончили заплетать косы княгини и скрепили их богато расшитыми косниками. Потом их свили в два тугих калача и скрепили длинными тонкими булавками, поверх которых повязали повойник и в завершение уложили шапку, укрепив булавками и её.

А Мечеслав вдруг понял, почему киевская княгиня прибиралась прямо на Соколином престоле. Она просто боялась, что в её отсутствие на престол сядет сын – и не выйдет разговора государыни с сыном, а будет разговор государя с матушкой. Настолько боялась, что предпочла дать дружинникам сына увидеть себя простоволосой – и не в своей горнице, а тут, в гридне.

Скорее приравнять Соколиный престол к лавке в девичьей, чем позволить сыну прикоснуться к нему.

Пожалуй, это и впрямь много говорило о правительнице Киева.

– Что ты называешь советами разумных, матушка? – негромко спросил Святослав. – Пытаться отдать свою страну под руку разорителю варяжской земли, отчины пращуров нашего рода, и мужа соплеменницы хазарских каганов? Это ли ты называешь разумным? Тогда мне следует благодарить Богов за неразумие.

– Немцы слишком далеко от нашей земли, как и греки, чтобы угрожать нам... – пальцы правительницы покоились на подлокотниках престола неподвижно, но голос был такой, будто она отмахнулась. – А чтобы хазарские каганы не пита-

ли лишних мыслей, мы и кормим дружину.

– Та дружина, что ты кормишь, матушка, по силам не то что войску каган-бека, но любой прохожей ватаге, – Свято-слав пренебрежительно дернул усом.

– Так устраивай дружину и не мешай мне устраивать землю, сын мой, – отрезала Ольга. – Разве новая вера сделает твоих дружинников плохими воинами?

– Давай поглядим, матушка, – пожал плечами под корзном Святослав. – Не сами ли кесари греков величаются, что в прежние времена владели землёю до самого закатного моря, той, что сейчас под сорочинами да корягами, и саму Вре-тань-землю покорили? Только забывают сказать, что всю ту державу выстроили, когда своих Богов славили, а как поклонились распятому Мертвецу – остались на нынешнем клочке, только и знают, что бахвалиться не раздёрганными ещё ошмётками наследства кесарей-многобожников. Оскольд с них дань брал, Олыг Вещий с них дань брал, Игорь, отец мой, а тебе, матушка, муж, хоть в первый раз и не пересилил, а во второй раз и дань с них получил, и послов греческих заставил в Киев ездить. Не юродство ль будет мне, их наследнику, веру данников принимать? А болгары? Сколько раз сам Царь-город трясли, как ту грушу, а как Богов своих на Распятого променяли, теперь их правитель на царьградской цепи, как медведь скомороший на торгу, пляшет, а угры по его земле, как по своему двору, ездят. И ты хочешь, чтоб я той же дорогою пошёл? Да надо мной моя же дружина посмеет-

ся. И тысячу раз права будет!

– Ты смотришь не дальше острия своего меча, сын мой, – очерченные углём брови наконец двинулись, съезжаясь к переносице. – Но державы создаются не только воинской силой. Посмотри вокруг. Эти стены возведены мастерами из Болгарии. Разве они не прочнее, не долговечнее, не красивее бревенчатых стен старых теремов?

Святослав улыбнулся:

– Матушка, не Распятый принёс людям умение строить из камня. Греки воздвигали каменные города, когда про него никто и не слыхивал.

– То греки, – покровительственно двинула уголками губ правительница Киева.

– Так в греках ли дело или в Мертвце Распятом? – Святослав нахмурился. – Если уж мы такие сиволапые лесовики-дикари, то нам и Распятый ничем не поможет. Да вот только те же болгары, нашего же языка люди, как-то сумели за много лет до крещения и каменные города строить выучиться, и водопроводы по ним прокладывать. Матушка, я любой науке обучиться рад, которая Руси к славе и к пользе будет. Заплачу хоть мехами, хоть медами, хоть золотом, не будут брать – железом цену отмеряю. А Богами, честью пращуровой, душой своею – я и за венец над всею землёю платить не стану.

– Всё к мирскому и к плотскому сводишь, что в руки взять можно? – промеж прищуренных век полыхнуло гне-

вом, пальцы на головах резных соколов побелели и скрючились, словно Ольга сама вот-вот готова была перекинуться хищной птицей. – Законом и порядком крепки страны христовой веры...

– Уволь, матушка! – уже откровенно рассмеялся молодой князь. – Весь белый свет про тот порядок да закон наслышан! Родоначальник нынешнего царя греческого сиволапым мужиком в Царь-город пришёл, в слуги царские выбился, государя и благодетеля своего удушил и сам царствовать сел. Нынешний царь Роман девку блудную на пристани себе в жёны подобрал да отца с нею в сговоре отравою опоил, мать в монастырь сослал. Это ли закон? Это ли порядок? Не будет на Руси такого порядка, покуда я жив. Да и ты сама...

– Слаавкаа! Браааатиик!!!

Сказать по чести, дружинники Святослава выхватили мечи. Да и истуканы у стен подались вперёд, подымая секиры. Два крика – вопль «Нет!!!» вскочившей на ноги Ольги и рык «Стоять!!!» одноглазого Ясмунда – заставили воинов замереть, где стояли.

Через половину гридни диковинной яркой птицей с заморского ковра пролетело нечто – нечто, не заметившее ни обнажённых мечей дружинников Святослава, ни поднимающихся топоров княгининой стражи, ни двух воплей. Последних особенно, ибо само орало во всё горло, звонко и весело. С этим самым воплем и повисло на шее у пошатнувшегося Святослава.

Отойдя от первого потрясения, Мечеслав подумал было, что это девка. Слишком хрупкими и тонкопалыми были обвившиеся вокруг шеи князя руки, слишком узкими плечи, слишком тонким стан. Пострижено висящее на княжьей шее создание было вовсе несообразно – ни девичьих кос, ни коротко, под горшок, остриженных волос – так, ни туда ни сюда. На два пальца ниже уха.

– Славка! Ты чего так долго не был?! Я тебя – раз, два, три... я тебя пять лет не видел, Славка! Правда, я вырос?! Все говорят, что вырос! Славка, я так скучал, честно! – наконец существо отцепилось от княжеской шеи, и Мечеслав едва не сел на ковёр со сказочными деревьями и птицами, увидев на его верхней губе явственно пробивающиеся усы. – Ух ты, это твои? Слушай, Славка, прямо как в тех старинах про Ольга Вещего, которые дед Боян пел! Его тоже давно не было, правда же, жалко?! Такие грозные! Даже лучше ма-тушкиных. А давай меняться! Я тебе две дюжины моих, а ты вот хоть этих восемь. Братик, давай, а?!

Против всякого разумения волосы под шлемом и волчьим колпаком встали на голове сына вождя Ижеслава дыбом. Он чуть не шарaxнулся, когда парень – его лет парень, почти с ужасом осознал Мечеслав – метнулся к нему с восторженно горящими глазами.

– О, это ж вятич! – он ткнул пальцем в перстни на руках Мечеслава Дружины пальцем. – Он без наколок, а перстни такие я на торгу видел, мне сказали, что вятичские. Здорово!

Расскажешь мне про хазар, а?

Последние слова относились уже к самому Мечеславу.

– Глеб!!! – рыку киевской княгини мог, пожалуй, позавидовать даже дядька Ясмунд.

– Матушка?! – парень изумлённо замер.

– К тебе что, не приходили от меня?

– Матушка! – князь Глеб махнул рукою. – Ты больше ко мне таких дураков не посылай, ладно? Нет, ну правда же дурак! Представляешь – поднимает посреди ночи, надо, говорит, к немцам ехать...

Он резко развернулся к Святославу и хлопнул старшего брата ладонью по груди – у Мечеслава, да, наверное, не у него одного, рука на рукояти только что вложенного в ножны меча дёрнулась.

– Да, ты ж не знаешь, братик! К нам же тут немцы едут! Слушай, я так обрадовался! Я только торговцев видел, а там, говорят, десять ихних бояр, риттеров по-ихнему! Да при каждом дружина, называется смешно, не поверишь – шпеер, по-ихнему – «копъё»! Ну и чехи ещё... я так обрадовался, правда! Если у нас тут немцы будут жить, так я тоже смогу по-немецки одеваться. И меч носить! А то по-гречески уже стыдно – все вон с мечами, а я?! Но только чего ж я ночью-то к ним поеду, когда они утром сами сюда явятся?! Вот дурак, да?!

Мечеслав наконец осознал то, что в первое время попросту не увидел.

На поясе князя Глеба не было меча.

На поясе князя, сына Игоря Покорителя, стоящего посреди гридни, перед своим братом, матерью и их дружинниками, не было меча.

Булавы или чекана не было тоже.

Только яркая свита, перетянутая поясом в золотых накладках, корзно с шитым золотом оплечьем, золотая гривна, невысокая круглая шапка, штаны в обтяг и мягкие сапожки до середины голени.

– Ну я сперва вообще не понял ничего, зачем к немцам, почему... уже одели когда, я расспрашивать стал. Он знаешь что сказал? – князь Глеб залился звонким смехом и повернулся к Святославу. – Он сказал, что ты приехал, Славко, и поэтому нам уезжать надо. Вот дурак, а? Всё же напутал.

И князь Глеб Игоревич снова засмеялся.

Мечеслав переглянулся с Верещагой, потом с Икмором. Лица у всех троих были одинаково вытянувшиеся, с огромными глазами. С неудобным холодком между лопаток Мечеслав Дружина подумал, что несколькими ударами сердца назад их, всех десятерых, можно было брать голыми руками – настолько потрясли дружинников Святослава облик и поведение младшего князя. Благо ни Ольга, ни её человек-ошкуй не сообразили дать знака стражникам с золочёными топорами.

Впрочем, лица княгини Ольги и Ясмунда тоже приобрели, при всём несходстве, нечто общее. Похоже было, что у

княгини киевской и наставника её старшего сына сильно заболели зубы, и они изо всех сил пытаются это скрыть, да не выходит.

Даже на морде белобрысого верзилы, что в выразительности не слишком обгоняла деревянные столбы-подпоры, и то проявилась тень того же чувства.

– Глеб... – медленно, словно подбирая каждое слово, проговорил Святослав. – Ты, брат мой, пока... побудь у себя в покоях. И знаешь, брат, немцев я, пожалуй, в город не пущу...

Лицо младшего князя начало вытягиваться, а глаза часто захлопали.

– ...А меч тебе я сам разрешу носить. Без немцев. И даже владеть им поучим, чтоб он не просто так у пояса болтался...

Дружинники Святослава, облившись холодным потом, украдкой переглянулись в безмолвном ужасе.

«Почим...» это кому ж предстоит такое счастье?! Один Вольгость Верещага мог чувствовать себя поспокойнее прочих – ему-то точно была обещана участь не наставника шестнадцатилетнего князя, а как раз наоборот – ученика Бояна Вещего... не самая худшая участь, как выяснилось.

– Да я умею... а на охоту? – жадно спросил Глеб. – Охотиться тоже можно будет? Немецкий кесарь охотится, говорят, а в Царь-городе такого обычая нету...

– И охотиться будем, – улыбнулся Святослав. Глеб расцвёл:

– Тогда и правда, ну их в болото, тех немцев! Только ты не обманывай, ладно? – просительно добавил он, уже поворачиваясь к дверям. Князь улыбнулся успокаивающе вслед, и Глеб, окончательно повеселев, выбежал из гридни чуть не вприпрыжку.

Небо за окнами гридни посветлело.

Святослав прошёл вперёд – человек-ошкой встрепенулся, но, не видя никакого знака от опустившей лицо на переплетённые пальцы госпожи, мешаться в разговор сына с матерью не осмелился. Князь присел на ступеньку деревянного возвышения. Помолчал. Потом заговорил тихо:

– Матушка, ты что, и впрямь настолько от власти утомилась, что решила, будто я на Глебку руку подыму? Мы ж не в Царь-городе, матушка, и хоть ты Еленой нареклась, да я-то остался Святослав, а не в Константина-братоубийцу перекинулся!⁴ Или...

Князь помолчал и добавил ещё тише, но уже совсем другим голосом:

– Или ты решила младшего сына своим единоверцам немецким в заложники отдать? Чтоб они, с ножом у его горла, проще в Киев войти смогли? Так ли?

Княгиня вдруг страшно, сухо всхлипнула за переплетением тонких пальцев. Потом, не отнимая их от лица, заговори-

⁴ Елена – христианское имя Ольги. Еленой звали мать первого императора-христианина Константина, убившего нескольких родственников, в том числе братьев.

ла:

– Я плохая христианка, сын... ты меня моей верой попрекаешь, а я и в ней некрепка... когда Глеба родила – мне сон был. Суженицы⁵ над нашим ложем встали. Первая сказала – быть младенцу добрым сыном и матери послушным. Вторая прибавила – быть ему князем в Киеве. А третья, младшая, отозвалась – умереть ему от братней руки. Знаю, что тот, кто снам верит, с самим Врагом проклят будет, и каюсь в том ежедённо, и знаю, что в пророчества верить нельзя, грех и суета... а выкинуть из сердца – не могу...

Невзирая на рассвет, в гридне словно потемнело и повеяло ночным холодком. И мало кому не померещилось, будто он сам стоит там, в княжьей повалуше, сам видит три тонкие тени – тени без тел – протянувшиеся по бревенчатым стенам, по плахам потолка над ложем княгини и её маленького сына, слышит жужжащие голоса, похожие на звук вращения огромного веретена...

– Ведь и впрямь, – шептала Ольга, и шёпот раскатывался по всей гриднице, – и впрямь же Глебушка сыном добрым да почитительным вырос. И впрямь в Киеве княжил... Поклянись! – Ольга вдруг вскинула голову, ухватив за рукав поднимающегося на ноги старшего сына. – Слышишь, поклянись и правь себе, если хочешь, володей, слушай своего одноглазого стервятника с гусяром-вурдалаком, уйду сама, мешать

⁵ Славянское подобие скандинавских норн или греческих мойр, воплощения Судьбы, часто являющиеся к колыбели младенца, чтобы предсказать её.

не буду, только поклянись, сын, идолами своими поклянись, что на брата руки не подынешь! Поклянись, а не то прокляну, слышишь?!

– Не всякий сон в руку, матушка, – почтительно, но твёрдо произнёс Святослав, осторожно стараясь освободиться от дрожащих, но цепких пальцев матери. – Да ты сама на Глебку посмотри, у кого б рука поднялась, его ж, поди, и комар кусать постыдится!

Вот с этим Мечеслав Дружина бы поспорил. Одну руку, готовую подняться на младшего в княжьем семействе, он мог назвать прямо сейчас – свою собственную. Уж больно обожгло это беззаботное – «Расскажешь мне про хазар, а?»

Про что тебе рассказать, князь Глеб? Про вырезанный княжеский род потомков Вятко? Про лютую Бадееву рать, память о которой незаживающей раной пролегла через ночное небо над Окой? Про семьдесят лет страшной и позорной дани? Про то, каково ходить своей же землёй из тени в тень, жить в лесах и болотах? Про разрубленную колыбельку в доме кузнеца Зычко? Про парня младше твоего, тянущего на плечах судьбу осиротелого рода? Про мёртвую весь и пятипалую лапу, впившуюся в деревянное лицо её хранителя?

Убить не убить, а поучить перевязью, как непутёвого отрока, на которого князь Глеб более всего и походил, руки чесались у вятича отчаянно.

– Ну нравом ты меня считаешь за зверя, так хоть разумом не считай, – продолжал тем временем успокаивать матушку

князь. – Что ж мне надо, чтоб меня мой же народ вон выгнал, как Краковича⁶, или мышам на съедение оставил, как Попеля?⁷

– Поклянись! – хрипло и требовательно повторила Ольга. Все другие слова киевская правительница, видать, позабыла, а увещаний старшего сына не услышала вовсе. Она подняла лицо, заглядывая в глаза Святославу своими, широко распахнутыми и побелевшими, от глаз княгини по щёкам, размывая белила и румяна, проложили борозды слёзы. Свободную руку она держала на груди под ключицами, будто прижимая что-то сквозь одежду. – Поклянись, или проклянущу!

Святослав обречённо прикрыл глаза – как все дорожащие своим словом люди, лишних клятв и обещаний он не любил. Потом князь открыл глаза, вздохнул, уже грубым рывком стряхнул с рукава пальцы матери и отошёл на середину гридни. Потом рывком повернулся к Ольге – та поднялась с престола и даже сошла с возвышения вслед за ним. Змеёй прошипел выхваченный из ножен меч – стражники с топорами качнулись вперёд, а человек-ошкой с неожиданною рез-

⁶ Старший сын легендарного польского князя Крака убил брата ради захвата власти и был изгнан поляками, власть перешла к дочери Крака Ванде.

⁷ Попель, он же Хотышко, – последний представитель родовой знати на польском престоле. Прославился тем, что по наущению жены – немки-христианки – отравил собравшихся на пир родичей (см. ниже Попель Братогубец), после чего был, вместе с супругой, съеден мышами. В стране в первый, но далеко не в последний раз воцарилась анархия, прекратившаяся лишь с избранием на престол Пяста.

востью стронулся влево, загородив казавшуюся рядом с его тушей маленькой и хрупкой правительницу Киева. Но Святослав подхватил острый конец харалужного клинка левой рукою и поднял его над головой.

– Клянусь! – произнёс он, и всё в гридне замерло. – Я, Святослав, князь Русский, сын Игоря, князя из рода Сынов Сокола! Клянусь перед Богами рода русского, перед Перуном, Богом своим, и Велесом, Владыкой Зверей! Перед престолом предков моих клянусь! Перед людьми моими клянусь! Перед мечом, от отца мне завещанным! Клянусь не поднимать руки на младшего брата моего, князя Глеба! Если отвернусь я от этой клятвы, пусть удача ратная от меня отвернётся! Если порушу я эту клятву, пусть разрушится всё, что я сделал! Если предам я эту клятву, пусть род мой меня предаст!

С закатной стороны вдруг донёсся глухой грозовой раскат. Ольга и несколько стражников перекрестились, остальные стражники и воины молодого князя осенили себя Грозовым Молотом – благо движения похожи, и перепутать легко. Один Святослав остался стоять с поднятым мечом к потолку гридни, расписанному, как стало видно в алых лучах встающего солнца, изображениями рогатого месяца по ту сторону возвышения с Соколиным престолом, самого солнца – между возвышением и дверями – и звёзд с кудлатыми облаками по бокам. Потом неторопливо и торжественно убрал меч в ножны.

– Прошу прощения государей, – все в GRIDNE вздрогнули и обернулись к стоящему на её пороге Синко, – такие клятвы надлежит оглашать в присутствии биричей. И лучше бы – посоветовавшись с ними.

– Я и огласил её при тебе, – хмуровато ответил князь, всё ещё недовольный вырванной у него клятвой.

– Потому что я пришёл сюда сам, – настойчиво продолжал гнуть своё старейшина киевских биричей. – А следовало бы позвать меня. И лучше – прежде, чем давать клятву.

– Я как-нибудь разберусь со своими клятвами без тебя, ученик Стемира, – князь нахмурился ещё больше, а княгиня нетерпеливо добавила: – Ты сюда пришёл только попрекать моего сына данной без тебя клятвой, Синко? Или у тебя есть что-нибудь поважнее для нас?

Синко поклонился в ответ – странно, будто пустому месту между князем и княгиней:

– Я в затруднении, государи, ибо не знаю, начинать с добрых вестей или с дурных.

– С добрых, – устало сказала Ольга.

– Солнце взошло, – произнёс Синко Бирич, глядя в окно GRIDNE, и замолчал.

– Это что, все хорошие вести? – не выдержала первой княгиня, старавшаяся не поворачиваться к Синко превращённым слезами в скоморошью личину лицом. – Мы и так это видим, а если ты решил возвещать об его восходе, обвяжись перьями, сядь на забор и кукарекай!

– Нет, не все, княгиня, – невозмутимо промолвил Синко Бирич. – Вот ещё хорошая весть – половине подольской стражи удаётся пока удерживать толпу, кричащую...

Он выудил из-под плаща кусок берёзовой коры и скользнул по нему карими глазами.

– ...Кричащую, что государь Святослав велел крещёных бить, а дома их грабить. А другая половина подольской стражи сумела разнять драку у соборной церкви Ильи Пророка на Руче...

– А там-то что?! – охнула правительница.

Синко пожал неширокими плечами под плащом.

– Половина собралась с крестами и образами встречать немецких гостей. А вторая стала кричать, что латиняне...

На свет явилась вторая береста.

– ...Что латиняне хуже поганых⁸, и обзывать первую половину вероотступниками и двоеверцами, а также бросать в них камни и палки. Убитых всего пятеро, дюжина покалеченных, трое взято стражниками на месте за убийство, остальных будем искать. Исков поступило четырнадцать...

В GRIDНЮ вбежал встрепанный отрок, отвесил земной поклон невесть кому – видимо, всем сразу, – сунул Синко кусок бересты, поглядел шальными глазами, отвесил поклон и умчался.

⁸ Окончательный разлад между римской и константинопольской церквями произойдёт только веком позже, но враждебность в отношениях проявилась задолго до появления на свет моих героев – «латинян» обличал ещё патриарх Фотий, современник Оскольда и Дира.

– Теперь уже двадцать, – безмятежно сообщил Синко. – И ещё один из побитых скончался.

– Это добрые вести? – приподняв золотистую бровь, уточнил Святослав. Синко Бирич молча поклонился.

– Что-то мне уже не хочется спрашивать о недобрых... – произнёс князь. – Только ты ведь без спросу скажешь.

– Я бы никогда не осмелился...

– Да говори уже! – в один голос прикрикнули на старейшину биричей мать и сын. Синко снова поклонился:

– Дружинники княгини, – высокая шапка Синко наклонилась в сторону Ольги, – открыли северные ворота Подола людям епископа Адальберта. Узнав про это, толпа, собиравшаяся бить крещёных, наполовину разбежалась, а другая половина обложила немцев и чехов у Туровой Божницы и не собирается пропускать их дальше. Возглавляют толпу, кстати, пришлые дружинники из ляхов во главе со слепым воеводой Властиславом.

Глава III

«Мешко, мальчик мой, Мешко!»

Тиха летняя ночь. Смолкли соловьи, ячменным зернышком поперхнулась кукушка, печальная вестница Живы⁹.

Стелется под копыта дружинных скакунов сухая, утоптанная земля дороги. Дороги, ведущей в Гнезно. На Купалу миновали всадники Быдгощ и снова в седла, ночевать у костров, кутаясь в гуни, или во дворе гостеприимного кмета – как придется.

Спешит воевода, торопится пан Властислав Яксич в Гнезно. И не за тем даже спешит, чтоб доложить грозному крулю Мечиславу, что воля его, милостью Световита, исполнена: сестра круля, ясноокая Свентослава¹⁰, отныне жена Эйрика Победоносного и государыня свеев...

Спешит воевода повидать самого круля Мечислава... Нет, и не круля, и не Мечислава – мальчика Мешко, что заме-

⁹ Жива – богиня жизни и долголетия у поляков и полабских славян. Кукушка была ее священной птицей. Именно от этого поверья пошло общеизвестное «Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось». После середины лета кукушка замолкает – ячменным зернышком подавилась, по старинному присловью.

¹⁰ Свентослава – сестра Мечислава. Она же Сигрид Сторрада. Жена Эйрика Победоносного, короля свеев (т. е. шведов). Судя по всему, не восприняла религиозных увлечений брата, поскольку ее вторым мужем стал Свейн Вилобородый – не просто убежденный язычник, но и ярый враг христианства.

нил старому пану родных сыновей, polegших в сырую по-морскую землю под мечами кашубов. Мальчика Мешко, которого он, седоусый дядька Власта, учил сидеть в седле, пускать стрелы, которому дарил он коней, гончих и соколов, которого прикрывал щитом от кривых мадьярских сабель в его первой битве. Ненаглядного, дорогого мальчика Мешко... Никого, кроме Мешко, нет у старого воеводы. Родные сыновья погибли, дочери вышли замуж, жены ушли к Световитову престолу струями дыма погребальных костров. Вот и торопится в Гнезно пан Властислав, истосковавшийся по мальчику своему Мешко.

– Пан воевода! – это стремянный Микл нагнал хозяина, поехал справа, почтительно приотстав. – Скала рядом. Не заночевать ли?

Властислав улыбнулся в усы. И коням, и людям пора отдохнуть, а лучше Скалы места не сыщешь. И ему, воеводе, есть о чем перемолвиться со старым Збигневом Скальским, что вспомнить за ковшом пива. Оба они из дружины старого круля Земомысла, отца Мечислава – не они ли одни остались из той дружины?

Властислав так спешил, что и не заметил, как при приближении его небольшой дружины испуганно затихали деревни по обе стороны дороги, гасли лучины в хижинах кметов¹¹. И что во владениях Скальских сотворилось что-то неладное,

¹¹ Кмет – в средневековой Польше – крестьяне, в отличие от Руси, где это слово обозначало дружинника.

понял он лишь тогда, когда Скала встретила его враждебной тишиной и поднятым навесным мостом.

Лет сорок не было такого в этих землях, лежащих в двух конных переходах от Гнезно, под самым крылом Белого Орла Пястов. Не было с той поры, когда Земомысл железной рукой вывел разбойные ватаги и дружины бродячих панов – последышей лихого безвременья круля Попеля. С тех пор люди в здешних землях зажили тихо и мирно. Никому в голову не приходило и дверь-то на ночь засовом заложить.

А тут – поднятый мост.

– Труби! – приказал, не оборачиваясь, пан Властислав. За его спиной Микл поднял к губам рог, набрал в грудь воздуха – и по притихшей округе разнесся гордый и властный голос рога, родовой сигнал Яксичей. Кужел-хорунжий повыше поднял хоругвь с белым на красном орлом Пястов.

За щелями бойниц надвратной башенки мелькнули огни, прогрохотали по дощатым настилам гульбища чьи-то ноги. И, наконец, раздался молодой ломкий голос:

– Убирайтесь прочь!

Пан Властислав ошеломленно покрутил головой в бобровой шапке с фазаньим пером:

– Ты кто такой, скаженник? Или не видишь – мы люди круля!

– Вижу! – отозвался зло все тот же голос. – Я, Яцек Скальский, отлично все вижу и говорю: убирайтесь, или я угощу вас стрелами! Прочь!

– Отвори ворота, мальчишка, и дай мне поговорить с твоим отцом! – загремел пан Властислав.

За бойницами заскрипели натягиваемые луки и глухо гаркнули, распрямляясь. Стрелы вгрызлись в землю у самых копыт коней. Огник пана Властислава попятился и фыркнул – он знал эти звуки и помнил обжигающую боль, которую они предвещали.

Микл за спиной хозяина выругался с беспомощной злобой. Да и пан Властислав чувствовал себя не лучше. Не этого ждал он, не думал, что, вернувшись домой из-за Варяжского моря, будет стоять под запертыми воротами лучшего друга, а его сын будет сыпать в него угрозами и стрелами. Место-то какое... как ладонь. Пся крев, да ведь на них и кольчуг сейчас нет!

– Следующие стрелы достанутся вам! Последний раз говорю! – сквозь скрип натягиваемых луков раздавался тот же молодой голос.

И тут его перебили.

– А ну прочь от бойниц! Яцек, уйди! Убрать стрелы! – голос был женский, и пан Властислав удивленно поднял нахмурившиеся было мохнатые брови.

– Сама убирайся, Ядка! Здесь не место женщинам! – отозвался первый голос, и пан Властислав с изумлением понял, что его хозяин и впрямь мальчишка, которому едва ли стукнуло пятнадцать.

– Открыть ворота! – не обращая на него внимания, при-

казала невидимая Ядка.

– Нет!!!

– Это приказ отца. Ты хочешь ослушаться его воли?!

Что-то грохнуло об настил – не иначе, брошенный лук, зло простучали удаляющиеся шаги, и тут же закрипел, опускаясь, навесной мост.

Внутренний двор встретил их огнями факелов. Спешившись, пан Властислав увидел идущую к нему стройную девушку. Свет факела выхватывал из тьмы скуластое бледное лицо, огромные зеленовато-серые глаза, прямые губы чуть широковатого рта, вздернутый нос.

– Добрый вечер, пан воевода, – спокойные глаза взглянули в лицо. – Я – Ядвига, дочь Збигнева Скальского. Пан воевода, верно, не помнит меня...

– Отчего же, – пан Властислав коснулся губами ее холодной руки. – Только я помню панну маленькой девочкой. Панна и тогда уже была прекрасна.

Ядвига улыбнулась углами губ, но глаза ее оставались безразлично-спокойны.

– Отец хочет видеть пана воеводу. Идемте. О людях пана позаботятся.

Она взяла у одного из слуг светильник – его свет скользнул по золотой запоне, скреплявшей на груди Ядвиги огромный плат, и двинулась к дверям высокого дома.

Властислав успокаивающе провел ладонью по шее Огника, шепнул ему «Будь смирный!» – и поспешил вдогонку за

Скальской. Здешним слугам он доверял.

Панну Ядвигу он нагнал уже у самых дверей. За ними была лестница, поднимавшаяся в верхнее жилье. Ядвига шла чуть впереди, придерживая свободной рукой подол длинного платья.

– Что с ним? – выдохнул пан Властислав. Ядвига не стала переспрашивать – с кем?

– Он тяжело ранен. Ему отсекли руку и потоптали конями. Широкие плечи пана Властислава передернуло под косматой гуней. Таким голосом она могла сказать: «Он уехал на охоту, вернется к ужину».

Не дело молодым девушкам таким голосом говорить о битвах и увечьях, тем паче, что это увечья отца. И еще...

– А старший брат панны, Прибывой...

– Он убит, – с тем же неживым спокойствием уронила Ядвига.

Пан Властислав снова замолк, а потом глухо спросил – и в голосе была смерть:

– Кто?

Голос застрял в пересохшей глотке, как непослушный клинок в тесных ножнах.

И Ядвига Скальская ответила:

– Люди круля.

– Что?! – одним шагом пан Властислав обогнал Ядвигу и заступил ей путь, только гуня взлетела беркучьим крылом.

– Панна Ядвига! Если бы кто другой...

– Пан воевода не верит мне? – тихо спросила она, глядя в яростные глаза воеводы.

И воевода отвел взгляд, отступил, освобождая дорогу. Глухо произнес, комкая ворот свиты:

– Расскажите...

– Хорошо, – тем же голосом проговорила Ядвига. – Отец тоже просил рассказать вам все, как было...

Все случилось в Святую ночь, ночь на Купалу. Кметы из окрестных сел собрались на праздник в урочище Немежа. Люд столпился у загодя возведенного кметами кресива, похожего на деревянные ворота с втиснутым меж порогом и притолокой третьим, обточенным сверху и снизу, опоясанным веревкой столбом. В том кресиве, по обычаю, вытирали огонь скальский хозяин со своим старшим сыном. Все были здесь – мужчины, женщины, дети. Даже дряхлые старцы выбрались из халуп – погреть кости у святого костра, вспомнить молодость. Все были в новом, чистом, нарядном, на русых волосах зеленели венки. Прямо на траве разостлали белые скатерти, а на них расставили деревянную да глиняную посуду с питьем и снедью.

Только оружия не было здесь: свята Купальская ночь, ночь мира и любви. Сам Световит в эту ночь оставляет тяжелый меч и смертоносный лук. В венке из невянущих цветов, на белом скакуне спускается он на землю, и оттого светла эта ночь.

И уже завертелось бревно, перехлестнутое веревкой, что

сжимали в руках Скальские. Тихо было – родился Святой Огонь, земной брат Световита. Никто не оглянулся на конский топот, надвигавшийся со стороны дороги, все взгляды были прикованы к кресиву. Кто и услышал, подумал – проезжие люди спешат примкнуть к празднеству.

– Стойте! – прогремел над примолкшей толпой голос. – Именем круля Мечислава – остановитесь!

Услышав имя круля и моравский выговор, на голос начали поворачиваться.

Их было дюжины две черноусых, кареглазых кольчужников – мораваков в клепаных шеломах, с мечами и чеканами у поясов, со знаменитыми моравскими луками у седел.

И на их щитах и впрямь раскинул крылья Пястов белый орел.

И еще – рядом с предводителем сидел на мышастом мерине человек в черном балахоне и черном же куколе. На груди у него медно поблескивал крест с изображением Распятого.

Пан Скальский остановился и хмуро поглядел на пришельцев. Уже то, что они явились в Святую ночь при оружии и доспехах, было неслыханным поношением извечных обычаев. А уж приволочь с собой слугу Мертвеца... В другом месте, в другое время Збигнев Скальский просто плюнул бы под копыта коня жоака, – если не в лицо всаднику.

– Моравак, – тяжело сказал он. – Я слышал, в твоей земле позабыли честь и обычаи предков. Но здесь Польша, а не Морава. Посему либо убери прочь свое железо, если хочешь

остаться с нами, либо убирайся сам и не оскверняй воздух Святой ночи своим дыханием.

– Я привез вам волю круля! – крикнул моравак. Он видел, что люди расступаются прочь от его дружины. Не от страха, от гадливого нежелания даже стоять рядом с нечестивцами. И в голосе его звенела нешуточная злость.

– Воля круля подождет утра. Сегодня Святая ночь, или на Мораве и ее позабыли?

– Нет, ты выслушаешь ее! И немедленно! – моравак встал в стременах и заревел: – Люди! Просветившись светом истинной веры, круль Мечислав повелевает! Отныне и навеки прекратить незаконные беснования Купальской ночи! Не зажигать огня, кощунственно именуемого святым; и не творить у него поганских игрищ!

Толпа кметов ахнула – не оттого, что услышала, до большинства страшный смысл сказанного еще не дошел. Просто пан Скальский бросил веревку.

Бросил веревку священного кресива.

– Или ты, или круль – обезумели! – выкрикнул он. – На Святую ночь и Попель Братогубец не посягал! Она древнее всех крулей!

Тут человек в черном положил на плечо мораваку свою длань – тощую и белую, словно пясть скелета, – и произнес несколько слов на чужом языке.

– *Sapienti sat... esse delendam... gladis at fastibus*, – разобрала Ядвига.

По знаку предводителя двое мораваков стронули с места своих коней и подъехали к кресиву. Они дважды взмахнули секирами, а оцепеневшие люди только-только начали понимать, что они делают...

Рушат священное кресиво.

Отец Ядвиги схватил коня одного из всадников под уздцы. В тот же миг Прибывой в рысьем прыжке вышиб из седла второго кольчужника и подкатился, сцепившись с ним, под копыта коню жоака.

Мелькнула секира, и Збигнев Скальский страшно крикнул и зашатался. В пыль у копыт коня упала отрубленная, в мозолях от меча, десница хозяина Скалы. И еще раньше, чем замерли ее судорожно шевелившиеся пальцы, копьё предводителя с хрустом вгрызлось в голую спину Прибывоя.

Здесь для Ядвиги все затянуло сизой дымкой. Она едва помнила, как молчаливыми боевыми псами рванулись на мораваков слуги и кметы Скальских – кулаки, рубахи, венки на злые конские морды, на стену щитов и кольчуг, оскалившуюся мечами и чеканами. Как с ними кинулась она в твердой решимости выхватить из-под ног сражающихся что-то очень ценное и хрупкое. Как рухнул рядом с ней – едва успела увернуться – пробитый копьем молодой кмет. На лице ни боли, ни страха, только безграничное изумление...

Они никак не могли поверить в то, что творилось. Их убивали. Убивали у родного порога. Убивали пеших, полунагих, безоружных. Убивали в Святую ночь мира и любви...

И когда они это поняли, они побежали. Они бежали по сырой от целебной купальской росы траве, а вслед гаркали луки и весело свистели стрелы, ржали кони и всадники кололи копьями, рубили с седла... Большинство, не столько из благоразумия, сколько по купальской привычке, кинулись в лес, волоча на себе раненых и истекающих кровью. И лес не выдал – конники поворачивали прочь от опушки...

Ядвига бросилась к замку. Что бы с ней было – неведомо, но кто-то, бежавший сзади, вдруг упал, придавил к земле, оцарапав проклюнувшимся из груди стальным жалом стрелы. Рядом гремели копыта и улюлюкали моравики, и она затаилась под наливающимся холодной тяжестью телом, прижимая к груди спасенную из-под ног и копыт драгоценность.

Больше она ничего не помнит. Ей рассказали, что утром ее привели к замку испуганные кметы. К груди она прижимала окоченевшую длань отца.

Очнулась она лишь на следующий день. И все сутки провела у постели Збигнева Скальского...

– Когда отец услышал рог пана воеводы, он послал меня к воротам. Отец сказал: «Уж если пан Властислав пришел, чтоб напасть на друга в его доме, то ни мне, ни вам, дети, незачем оставаться на этом свете».

Ядвига замолчала, глядя на воеводу спокойными зеленоватыми глазами. И воевода, не отводя взгляда, взял ее руку.

– Панна Ядвига, – от скорби, жалости, гнева голос его скрежетал, как ржавый меч, когда его тянут из ножен. – Пан-

на Ядвига, клянусь...

– Не надо, пан воевода, – она наконец опустила глаза и вынула свою холодную руку из его пальцев. – После... после всего, что случилось, я боюсь верить клятвам. Мы пришли. Отец ждет пана. – Ее белые пальцы отодвинули тканый полотно с бережным узором из крестов с заломленными посолоньями концами.

Кожа, изжелта-серым воском обтекшая высокие скулы, заострившийся нос, синие губы под инисто-белыми усами. Под прикрытыми веками что-то двинулось.

– Отец, – впервые Ядвига заговорила живым, теплым голосом. – Отец, это пан Властислав. Он пришел...

Синие губы шевельнулись:

– Спасибо, дочка... спасибо... Иди...

Колыхнулась тканая занавесь. И дружинники круля Земомысла остались вдвоем. Горел каганец.

– Ты пришел... –дохнули синие губы.

– Пришел.

– Хорошо... – восковая рука на одеяле двинула пальцем. – Сядь.

Пан Властислав опустился на лавку.

– Я тут лежу... Думаю... – при вздохах у Збигнева Скальского дергалось лицо и что-то сипло, глухо клокотало под одеялом. – Я же... Ты знаешь, всю жизнь – крулю... И отцу его... За что?! – Збигнев повернул голову, и пан Властислав впервые увидел его глаза.

Глаза смертельно обиженного ребенка на лице умирающего старика.

– Это не круль. – Что-то вновь скрежетнуло в горле старого воеводы. – Я клянусь тебе, Збигнев. Я знаю Мечислава, я знаю моего Мешко... Он не мог. Я знаю.

– Не круль? – шелохнулась восковая рука.

– Нет. Не круль. Моравская шваль из дружины его новой жены. Ничего, Збигнев, ничего... Я еду в Гнезно. Круль все узнает. Все. А тех... Их я найду сам. Клянусь!

Збигнев Скальский прикрыл глаза.

– Хорошо. Властислав... Ты побудь тут. До рассвета. Хочу... Хочу видеть Световита. Хочу видеть, что Он еще светит...

Больше они ничего не говорили.

Только трещал фитиль каганца.

За окном серело, таяли звезды. Серость сменил румянец рассвета. И наконец из-за дальнего леса поднялся край алого диска.

– Световит... – шевельнулись синие губы. Наверное, пану Збигневу казалось, что он кричит, вскинув навстречу светлomu Богу руку – здоровую правую руку. Но это лишь на-пряглось плечо под белой рубахой да шевельнулась под оде-ялом перевязанная культя.

Шевельнулась и замерла.

Лучи Световита отразились в остановившихся глазах.

Пан Властислав поднял правую руку в дружинном привет-

ствии. Надел шапку и, резко повернувшись, вышел из горницы.

С неприметной лавки у стены поднялась пани Ядвига, взглянула на него и, едва не сбив с ног, кинулась за полотняную занавесь. Тишина за спиной пана воеводы вдруг прорвалась сухим, отчаянным, рвущим горло и душу рыданием.

А пан Властислав шел, и пол под его ногами гремел, стонал и рычал, рычал эхом его мыслей.

Во дворе от затухшего костра поднялись навстречу воеводе дружинники.

Они уже знали.

– В седла, – негромко приказал пан Властислав. – К бою. Зден, будешь след править.

Дружинники бросились к коням. Вынимали из вьючных сумок кольчуги, отцепляли от седельных луков островерхие шлемы.

– Пан Властислав...

Воевода повернулся и встретился взглядом с зеленовато-серыми глазами Яцека Скальского.

– Отец... – наследнику, нет, теперь уже хозяину Скалы было тяжело говорить.

– Он гордился тобой, – глухо ответил воевода.

Зеленовато-серые глаза недобро сузились.

– Я с вами.

– Нет. Ты нужен сестре. Это приказ.

Яцек вскинул белобрысую голову:

– Кто приказывает Скальским в Скале?!

Пан Властислав, уже сидя в седле, наклонился к нему:

– Яцек, кто-то должен приготовить и разжечь костер для твоего отца! Неужели это будет холоп или женщина?

Яцек помолчал, отведя глаза, с трудом кивнул и крикнул.

– Опустить мост!

Когда дружина воеводы пересекала ров, тоскливые женские голоса уже завели причитание...

На исходе дня он догнал их.

Зден, ехавший впереди, внезапно рванул узду и поднял свободную руку.

– Близо, пан воевода. Костром тянет.

– Сколько? – только сейчас воевода задал этот вопрос.

– Стяг или близко к тому, пан воевода.

Властислав помолчал, спиной чувствуя взгляды дружины.

Их было почти вдвое меньше, и кони устали...

– Труби, Микл, – процедил он. – Труби. Они жили, как собаки. Пускай попробуют умереть по-людски.

Ночь разорвал хриплый и яростный рев атакующего зубра.

– Скала! – закричал пан Властислав, выхватив меч, и пришпорил Огника.

– Скала! – кричала его дружина, и отблеск разбойничьих костров заблестал на клинках.

Мораваки не ждали нападения. Но и бежать не пытались. Пеший от конного не уйдет, это они знали, а седлать коней

времени уже не было. Все, что они успели – вскочить и схватить оружие.

Этого воевода и хотел. Он не любил убивать безоружных. Даже если те и не заслуживали иной доли.

Другое дело – меч на меч.

И пан Властислав рубил вправо и влево, рассекая древки копий, и кольчужные наголовья, и чернокудрые головы, и лица с белым оскалом.

Каждый его удар был смертью.

За затоптанную копытами ваших коней Святую ночь.

За забрызганные алой росой купальские травы.

За Прибывоя Скальского, принявшего смерть в ночь любви.

За его брата, которого вы научили встречать гостей стрелами.

За его сестру, которая боится верить клятвам.

За глаза обиженного ребенка на лице умирающего старика – Збигнева Скальского.

Летучей мышью кинулся кто-то в черном в такую же черную ночь, но у самого края света костров взблеск меча швырнул его наземь.

Все. Больше никого не было. Последний моравак, воткнув меч в землю, кричал:

– Стойте, стойте! Стойте же, скаженные!

Всадники окружили его. В их глазах еще тлел огонь битвы.

– На колени, пся крев! – Микл повелительно взмахнул окровавленным мечом.

Моравак рухнул на колени. Смуглое лицо побледнело, руки тряслись, белые от страха глаза глядели из-под темных спутанных волос.

– В-вы что, вовсе об-безумели?! – крикнул он. Голос его ломался, губы плясали. – Ммы люди к-круля М-мечислава! Все пойдете на шиб-беницу!

Пан Властислав перегнулся с седла, вцепился в длинные сальные патлы, рывком вздернул моравака на ноги.

– Еще раз произнесешь своими погаными губами имя... – он захлебнулся яростью, сглотнул, прикрыв глаза, – имя моего Мешко – пожалеешь, что не умер с ними! – он кивнул на лежащие в траве тела и толчком отшвырнул моравака.

– Убирайся! Убирайся и передай сородичам – я еду в Гнезно. Круль все узнает. И земля польская загорится у вас под ногами, изверги! Это я говорю, воевода Властислав Як-сич!

Моравак хотел что-то сказать, выдохнул зло и отчаянно:

– А-а! – и бросился к коню. Спешившиеся воины брезгливо расступались перед ним.

Когда топот копыт его скакуна смолк в ночи, воевода повернулся к своим воинам.

– Есть кто раненый?

– Скубе бок пропороли, – сумрачно отозвался Микл. – И Здену по ноге клевцом перепало.

– Да царапина, воевода... – поспешно начал невидимый в темноте Зден.

– Тихо, – повысил голос старый воевода. – Перевяжитесь да потихоньку поезжайте в ту деревню, что вечор минули. Да скажите кметам, чтоб к утру пришли, прибрали... этих. Еще будут потом по ночам шататься...

После скачки и сечи сил у дружинников осталось лишь на то, чтобы отъехать чуть дальше по дороге. Не ночевать же среди трупов, в залитой кровью траве...

А чуть свет дружина вновь была в седлах, и вихрем несся впереди пан Властислав.

Всю ночь он сам простоял в дозоре – знал, что уснуть не сможет.

От не утоленной ночным боем ярости клокотала душа воеводы, и, сам того не чуя, гнал он и гнал ни в чем не повинного Огника, торопя его бодцами и плетью.

Вот поднялись навстречу над овидом башни и стены стольного Гнезно. Шарахались с дороги испуганные пешеходы, очищая путь стремительным всадникам. Прогрохотали под копытами скакунов доски моста, замелькали дома и дворы, воронье взмыло над шибеницей у ворот замка. И стражники у ворот лишь повернули им вслед лица – смуглые, черноусые, кареглазые лица.

Во дворе воевода соскочил с коня, кинув поводья Миклу, и стремительно двинулся к палатам круля.

Мечислав ждал его у окна просторного светлого покоя.

Когда воевода ворвался в дверь, едва не сбив с ног так и не замеченных им стражников, круль повернулся к нему и приветливо улыбнулся.

Слишком тяжелым был этот шаг и слишком широкой – улыбка, но где же было заметить это разгоряченному воеводе!

– Га, дядька Власта! День добрый, – начал первым круль, распахивая объятия своему седоусому воспитателю. – Ну, рассказывай – каково у свеев гостевалось, как свадьбу справили?

– Погоди, Мешко! – Властислав вытянул перед собой руку. – Я с тобой сейчас не о том говорить хочу. Ты – круль, Мечислав! Ты – государь! А ты ведаешь, сидя в Гнезно, что вокруг творится? Не на рубежах, не за морем – здесь, в двух днях пути? Что твоим именем холопы жены твоей делают?! Мешко, они старого Збигнева, Збигнева Скальского убили, и сына его, Прибывоя! На их земле! В Святую ночь! Твоим именем, Мешко! Мало того, они на тебя клепали, что ты честь дедову порушил, от Световита к Мертвецу Распятому перекинулся! Они...

– Дядька Власта, – очень тихо сказал круль, глядя в окно. Очень тихо сказал – может, потому и услышал его разъяренный Яксич и смолк. – Дядька Власта. Оглянись.

Властислав растерянно обернулся. Несколько мгновений он недоумевающе глядел на дверь, в которую вошел. И – увидел.

Там, где раньше по притолке катился восьмилучевой знак Световита, на том самом месте в дерево был врезан бронзовый крест с головастой тощей фигуркой, раскинувшей костлявые длани.

– Что это? Что ж это, Мешко? – еле слышно прошептал пан Властислав, не в силах оторвать взгляд от притолки.

– Они ведь правду говорили, дядька Власта, – все так же тихо сказал за его спиной круль. – Это и впрямь мои люди были. Ты моих людей порубил, дядька Власта...

– Мешко, – пробормотал воевода, поворачиваясь к крулю враз побледневшим лицом. – Как же так, Мешко?

– Понимаешь, дядька Власта, – по-прежнему глядя в окно, продолжал круль, – мне Добравка глаза открыла. Новые времена наступают – и новая вера. Скоро исполнится тысяча лет Распятому Богу. Он вернется на землю и будет судить людей. Старых Богов и тех, кто верит им, он бросит в огонь и серу. А своим – отдаст небо и землю. Дядька Власта, – круль повернулся к воеводе. – Ты сам говоришь – я круль, я государь! Да, я государь! И я не хочу, чтоб мой народ ввергли в огонь и серу! Я хочу, чтоб мой народ вошел в царство нового Бога, чтоб поляки наследовали небо и землю – вместе с греками, римлянами, болгарами, моравой... Дядька Власта, ты не думай, за мораваков тебе ничего не будет – ты только крестись, а? Как я? – Круль поднял глаза и впервые взглянул воеводе в лицо. – Вот отец Адальберт, он скажет, что нужно делать.

Из угла палаты тенью поднялся человек в черном – двойник того, зарубленного на придорожной поляне. Тот же черный балахон, на котором выделяются лишь бледные костлявые руки да бронзовый крест. Тот же черный остроконечный куколь, скрывающий лицо.

Пан Властислав даже не взглянул на него. Так же неотрывно, как только что на распятие, глядел он в лицо своему воспитаннику и государю. Слезы стояли в его серых глазах, седые усы дрожали.

– Мешко, мальчик мой, Мешко, – тихо проговорил он. – Что ж они с тобой сделали, Мешко? Ничего, Мешко, ничего, это все пройдет. Мы сейчас на коней и – в поле. От стен этих каменных... Там лес, там свет Световитов, там вольный ветер... Все пройдет, Мешко!

– Дядька Власта, нет бесчестия в том, чтоб склониться перед Распятым. Кесарь Запада и василевс Востока поклонились Ему, дядька Власта, владыки болгар, немцев, англоv, чехов... – горячо говорил круль.

– Мешко, мой Мешко, – шептал воевода. – Что они с тобой сделали... Обморочили тебя, заморозили! – Голос Властислава сорвался вдруг на рык раненого медведя. – Эта моравская сука!..

Круль дернулся, словно обожженный ударом плети, лицо его окаменело.

– Воевода Властислав! – произнес он, словно отрубая топором каждое слово. – Ты говоришь о жене твоего круля и

твоей государыне!

Властислав замолк и лишь глядел на Мечислава полными слез глазами. Губы его мучительно кривились, подбородок дрожал.

– Как истинный христианин, я милосердно прощаю тебе смерть моих слуг. Но ты поднял руку на слугу Церкви Христовой, и за это тебя будет судить преподобный отец Адальберт, епископ Польши. Взять его!

Неслышно подошедшие стражники мгновенно вцепились в руки пана Властислава, заламывая их назад. Смуглые пятерни проворно вырвали из ножен длинный меч и нож – скрамасакс. Но воевода словно не замечал этого, неотрывно глядя на круля. А когда тот повернулся и зашагал к дальней двери – шагнул вслед, волоча на себе черноусых стражников.

За несколько шагов перед дверью Мечислав остановился. Не глядя на стоящего рядом Адальберта, он негромким напряженным голосом произнес:

– Епископ. Это – мой... мой лучший воевода, – казалось, Мечислав хотел сказать что-то другое, но в последнее мгновение передумал. – Он останется жить – ты понял, епископ?

– Господь сказал: «Не убий». Верь Господу, сын мой, – прошелестело под черным куколем.

– Верую, отче... – круль с облегчением наклонил голову в меховой шапке.

Костистая белая длань поднялась в благословении.

Двери за крулем закрылись, и только тогда пан Властислав

заметил стоящего рядом епископа.

Куколь поднялся, и на воеводу глядело лицо – такое же белое и костлявое, как и руки епископа. Черная с проседью борода покрывала впалые щеки и нижнюю челюсть.

Глубоко запавшие глаза вглядывались в лицо воеводы с безграничной жалостью.

Узкие темные губы скорбно поджались.

– Язычник, – горько заключил Адальберт. – Закоренелый язычник. Почему ты запер сердце свое для истинной веры?

Пан Властислав встретил взгляд черных глаз своими, мгновенно высохшими.

– Веры? – презрительно и гневно переспросил он. – Я верю в то, что говорят мне мои глаза – а они говорят мне, что Световит сияет в прежней силе Своей, и это так же верно, как то, что ты вместе с моравачкой одурманил моего Мешко!

– Глаза! – воскликнул в ответ Адальберт. – На что глаза тому, кто не зрит света Солнца Истины и Любви? Ты слеп, язычник, и глаза твои лишь соблазняют тебя. А знаешь ли, что сказал Спаситель: «Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось прочь от себя, ибо лучше, чтобы погиб один из членов твоих, нежели тебе самому гореть в геенне огненной!»¹²

В скорбном голосе епископа зазвучал металл:

– И я сделаю это для тебя, язычник, чтобы Световит-Лю-

¹² Епископ вольно цитирует «Евангелие от Матфея», гл. 5, ст. 29.

цифер¹³ не соблазнял твою душу через очи твои! – Адальберт подал знак одному из мораваков, тот выхватил нож... И лопнули светлые палаты, лопнули и протекли багровой тьмой и черной болью.

– Пан воевода! – словно сквозь воду донесся голос Микла, и, словно вода, заплескалась заполнившая голову боль. – Пан воевода! Что ж они... Что ж они с паном сделали!!!

Голова раскалывалась, горело отекавшее лицо, а в глазницах словно ворочались два клубка кипящей смолы. Пан Властислав попытался открыть глаза – тьма никуда не исчезла. Он на ощупь тяжело сел, поднес к горящему лицу руки. На ладонях осталось что-то похожее на белок сырого яйца...

– Мешко, – прошелестели высохшие губы. – Мешко, мальчик мой, что же ты наделал, Мешко?!

Сильные руки подхватили его, помогли подняться на ноги.

– Изверги, – бормотал трясущимися губами над ухом Микла. – Каты, зверье, пся крев...

– Придержи язык, язычник, – донесся откуда-то – рядом и сверху – голос с моравским выговором. Скрипнули под сапогами стражника доски крыльца.

Пан Властислав не видел, как рука Микла гневно сжала рукоять меча – и отмякла под прищуренными взглядами моравских лучников.

¹³ Люцифер – имя этого адского князя означает Светоносец, почему епископ Адальберт и отождествляет его со Световитом.

– Мешко... – проговорил он, поворачиваясь к крыльцу, протягивая в темноту окровавленные руки. – Пустите меня к моему Мешко... Пусть он посмотрит на меня – может, опомнится!

Голос воеводы сорвался, и он спрятал в ладонях искалеченное лицо.

– Забирайте своего хрыча и проваливайте, пока можете, – вновь заговорил моравак. – Круль вас простил, да мы не прощали!

Дружинники окружили воеводу, прикрывая собой от нацеленных на них моравских стрел. Микл, подхватив под локоть, повел к коновязи. Воевода не противился.

Седая голова опустилась на грудь, поникшие широкие плечи тряслись, а губы беззвучно шевелились, повторяя одно и то же...

В гостевой палате Скалы было почти пусто. У очага стояла Ядвига, сидел на ременчатом стульце Яцек и на невысокой скамейке Микл.

– Куда ж вы теперь? – спросила после долгого молчания Ядвига.

Яцек опередил стремянного:

– А зачем им куда-то ехать, сестра? У Скалы крепкие стены, а они – бывалые вои. Пусть моравская дрянь только попробует сунуться!

Микл покряхтел, поерзал по скамейке, провел рукой по усам.

– Не в обиду пану Яцеку будь сказано, только не годится это. Не потерпит круль мятежа, да еще у себя под боком. И вам война вовсе ни к чему – до жатвы всего полмесяца осталось. Мы на Русь думаем податься, в Киев. Молодой князь Светослав, говорят, поклонников Распятого не терпит.

Помолчали.

– А пан Властислав что говорит? – спросил Яцек.

Микл снова закричал – только сейчас это больше походило на стон раненого:

– Ничего он не говорит, пан Яцек. Только плачет да твердит: Мешко, мальчик мой, Мешко...

Глава IV

«Слава государю Святославу Игоревичу!»

Лучи поднявшегося Солнца-Даждьбога преобразили Мать Городов Русских, так что Мечеслав Дружина, выйдя поутру из тех самых Подольских ворот, в которые вошел ночью, не враз решил, в каком же облике Киев, стольный град некогда полянских, а ныне – русских князей, нравится ему больше.

Не было более в городе Кия колдовства, не казался он городом Богов, вознесенным над миром смертных, не горели в туманах русалочьими огнями окна хат. Но при свете утра, утратив загадочность, Киев приобрел в видимой мощи – ещё больше, ещё просторнее виделся он под солнечными лучами. Поседели от солнца да ветра огромные бревенчатые стены крепости в тесовых шапках, с дней Ольга Вещего не видавшие вражьих полчищ. Вниз по Боричеву спуску, и направо, и налево, сколько хватало глаз, теснились дворы, ограды, кровли.

А левее того места, где они ночью вошли в город, там, где громоздилась непривычная глазам постройка с высокими остроконечными кровлями, смахивающими на дымники храмов, Подол киевский кипел растормошенным муравей-

ником. К нему узкими вереницами подтягивались по улицам люди со всех сторон, торопясь влиться в две набухающие одна напротив другой толпы. Одна была поменьше – та, что жалась у остроголовой хоромины, но в ней чаще поблескивали на солнце шлемы и кольчатые брони. Искорками сверкали на солнце острия пока поднятых к небу копий.

Во второй толпе, обступавшей первую, железо блестело реже – но в первых её рядах растеклось тонкой, но прочной цепью, охватившей малую толпу.

– Глебовых дружинничков, – проговорил князь, – пустить с нашими по городу ездить. Двое наших на двоих Глебовых.

– Разбегутся, – буркнул Ясмунд.

– Скатертью дорожка, – дернул усом Святослав. – Все хлопот меньше, чем сторожить их или в тереме за спиной держать. На Подоле взятых на разбое, на поджоге – бить на месте. Крикунов – гнать. Коли молча стоят – не трогать. Пусть видят, что князь в Киеве есть. К церкви... к церкви сам пойду.

Ясмунд просто обернулся к младшему сыну, поднял бровь – всё ли запомнил? Икмор наклонил голову – и по кивку отца быстрым шагом, едва ли не бегом ринулся в глубь детинца, передать дружинникам волю вождя.

– Мы-то чего ждем? – вполголоса спросил Клек.

– Спроси князя, – негромко ответил ему другой гридень. – Или дядьку уж сразу – отвечать-то всяко он будет.

Как обычно, упоминание одноглазого погасило ещё не

успевший начаться разговор.

Впрочем, ответ на Клеково недоумение уже двигался к ним – восемь уже знакомых дружинникам Святослава верзил-стражников, приторочив золоченые секиры за спины, несли на плечах носилки, в которых, на укрытом мехами сиденье, восседала киевская правительница. Краска снова лежала на её лице ровно, от слез не осталось и следа. В руке княгини покачивалась низка из каменных шариков с висящим между ними крестом. Тонкие пальцы перебирали холодные матовые зернышки. Рядом с носилками ступал, поводя по сторонам небольшими глазками, человек-ошкой. За ним двигалась стайка служанок.

Святослав наклонил голову, приветствуя мать.

– Всё же передумала, матушка?

Княгиня только двинула углом губ, не поглядев на князя.

– Я по-прежнему считаю дурным началом княжения для тебя бегать самому по делам, по которым стоило б послать дружинников и привести и немцев, и зачинщиков с Подола на твой суд. Но если уж ты этого не понимаешь – я не собираюсь оставлять приглашённых мною гостей тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.